

Инна Баргинская

*Детектив
сильных
страстей*

Плод чужого
воображения

Инна Юрьевна Бачинская
Плод чужого воображения
Серия «Бюро случайных
находок», книга 9
Серия «Детектив сильных страстей»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45246675
Плод чужого воображения: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105242-3

Аннотация

Летними вечерами в дачном поселке собиралась дружная компания хороших знакомых – пока к ним не присоединились новые соседи. Это неприятные, грубые люди – сильно пьющий художник Денис, его вульгарная супруга Иричка и ее тихая, незаметная сестра Зина. Как-то вечером, когда компания сидела во дворе, нарядная Иричка прошла мимо, небрежно помахав присутствующим, а вскоре ее труп нашли в ближайшем овраге...

Полиция начала расследование, но соседи решили не оставаться в стороне и попросили Олега Монахова, называющего себя ясновидящим и волхвом, присоединиться к поискам убийцы в частном порядке...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	46
Глава 5	66
Глава 6	70
Глава 7	76
Глава 8	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Инна Бачинская

Плод чужого воображения

© Бачинская И.Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Не надо к мести зовов
И криков ликования:
Веревку уготовав –
Повесим их в молчании.*

Зинаида Гиппиус. Песня без слов

*Он длится, терпкий сон былого:
Я вижу каждую деталь,
Незначащее слышу слово,
К сну чуток, как к руке – рояль.
Мила малейшая мне мелочь,*

*Как ни была б она мала...
Игорь Северянин. Былое*

*Все действующие лица и события романа
вымышлены, любое их сходство с реальными*

лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

...Тяжелый запах земли, сырости, тлена; гнетущая густая тишина, вязнущие в ней звуки. Звуков немного: прерывистое с легким постаныванием дыхание работающего человека, бьющий по нервам скрежет лопаты и ритмичные шлепки выбрасываемой из ямы влажной земли.

Человек стоит по колено в яме, движения его напоминают действия механизма: упор ногами, сильный толчок, лезвие лопаты вонзается в слежавшийся земляной пол подвала – именно там и происходит сцена, фантазмагорически освещаемая стоящим вертикально фонарем, – и захваченная земля летит из ямы на растущую справа бурую насыпь. Рядом с фонарем – пластиковая бутылка с водой; время от времени человек выпрямляется, протягивает руку и берет бутылку. Опираясь на лопату, громко и жадно глотая, пьет. Вытирает со лба пот, двигает затекшими лопатками, делает несколько глубоких вдохов, задерживает дыхание и медленно, рывками выдавливает из легких густой тошнотворный воздух. Снова возвращается к работе. Старается не смотреть на продолговатый предмет, завернутый в простыню, слева от ямы.

Не так! Он не старается, он забыл о том, *что* там, он занят, он работает, он целеустремлен, он превратился в механизм: наклон, нажим, толчок, рывок, шорох осыпавшей-

ся земли. Раз-два-три-четыре! Шорох осыпающейся земли. Раз-два-три-четыре! И шорох, шорох, шорох, словно осторожные шаги соглядателя...

Когда яма, по его мнению, становится достаточно глубока, он перестает копать и легко выскакивает наверх. Вытирает руки о рубашку и рассматривает яму, оценивая глубину. Взгляд выхватывает торчащие из стен комки глины и осколки не то керамики, не то ржавого металла, не то кострищ с остатками золы или рыжих рыхлых костей, то ли человеческих, то ли принадлежащих животным – культурных словес, уходящих в глубину веков, свидетельствующих о многочисленных старых постройках и разрушениях и о времени, маятником снующем между прошлым и настоящим, сшивая его надежнее металлических скреп. Все хранится здесь, ничего не исчезло и не растворилось, нужно только знать, где искать. Он усмехается угрюмо и переводит взгляд на тело человека, завернутое в простыню. Вздрагивает и замирает – ему кажется, человек шевельнулся...

Через час примерно он закончил работу. Разровнял и утрамбовал землю, бросил сверху пару пустых ящиков и несколько трухлявых досок, подобрал с пола фонарь и пошел к хлипким узким ступенькам.

Оглянулся еще раз, скользнул лучом фонаря по хламу в углах, нечистому потолку, затканному серой паутиной, кирпичам, побеленным в незапамятные времена известкой, сейчас тоже серым и угрюмым. Задержал взгляд на ящиках,

скрывающих засыпанную могилу...

Наверху он растопил камин. Сидел в кресле у журнального столика со стаканом в руке, смотрел в огонь; на столике стояла бутылка водки. Только сейчас он почувствовал, что его знобит, и подумал, что вот ведь как странно, рубаха мокрая от пота и все-таки продрог; не заболеть бы. Часы показывали четыре утра. «Теперь точка, – подумал он. – Дело сделано».

Мужчина пил водку и бросал в огонь какие-то мелкие вещицы, бижутерию и косметику; туда же полетело голубое женское платье и сумочка – сразу повалил сизый едкий дым. Он морщился от дыма, кашлял и пил стакан за стаканом.

Он так и уснул в кресле и проснулся через пару часов, на позднем рассвете. Протер глаза, с силой помял лицо в руках, окончательно приходя в себя. Уставился на угасший камин с горкой пепла, потянулся за бутылкой. С неудовольствием обнаружил, что она пуста. Нечистый захватанный стакан на столе был также пуст. Через небольшое окно проникал извне тусклый неприветливый свет. Он поднялся, застонав сквозь зубы – тело болело и отказывалось подчиняться; пришлось сделать несколько резких энергичных взмахов и приседаний. Часы показывали четверть седьмого. Пора.

Он аккуратно сгреб в полиэтиленовый мешок пепел из камина, обгоревшие украшения, пряжки и пуговицы; сунул туда же пустую бутылку и стакан. Тщательно вымыл руки в закутке с умывальником, несколько раз намылив их мылом;

умылся и причесал волосы. Долгую минуту рассматривал себя в тусклом зеркале. Поскреб отросшую щетину и ухмыльнулся, подумав, что не хотел бы встретиться с такой рожей на пустынной дороге.

Постоял на пороге, внимательно осматривая комнату; потом, подхватив полиэтиленовый пакет, вышел из дома.

О женщине, которая осталась... там, он не думал вовсе.

Глава 1

Давайте знакомиться. О нас

...А под вечер, когда сельхозработы закончены до завтра, посидеть, расслабиться, принять слегка, как водится, – самое то. Роскошь человеческого общения, причем не на предмет, что у кого уродило, вылезло, расцвело или не задалось, несмотря на качественный навоз от знакомого фермера, хотя не без этого, а вообще: за жизнь и ее извилины. Как стемнеет, так народ и подтягивается. То к нам, то к Полковнику, то к Степану Ильичу или к Доктору. С подарками с грядки, кто чем богат, так сказать, а также из магазина. Полковник Бура (это фамилия) несет коньяк и серебряные рюмочки, он мужчина серьёзный, хозяйственный, отставник, причем холостой, что не дает покоя нашим дамам. В домике у него идеальный порядок, на огороде тоже, насос работает исправно, окна сверкают, вымытые синей жидкостью из специальной прыскалки. Очень положительный человек полковник Бура, и хобби у него серьёзное – он у нас писатель-активист. Будитель умов, так сказать. Бьет в набат и зовет на баррикады. То деревья вырубают в Марьиной роще или в городском парке, то, наоборот, клумбу разбили не там, то машины ставят на детской площадке, то дорогу к дачному посёлку никак не отремонтируют – в дождь не проедешь. Я не смеюсь, я на пол-

ном серьезе: такие люди, как Полковник, на вес золота. Я бы не стал писать, хоть убей, и никто из моих знакомых не стал бы, а ведь кому-то надо. Должен же кто-то! Нам как-то все по барабану стало, никакого гражданского чувства, ну разве только про политику или футбол, а так – да гори оно все! Я лично несколько раз садился в яму на дороге перед поворотом к дачному поселку, трактором вытаскивали, а стал бы я писать? Да упаси боже! Почертыхаешься, душу отдашь насчет местных властей, и все! Может, раньше и написал бы, а сейчас – нет, теперь каждый за себя. Мы и сами уже пытались эту яму засыпать, но она какая-то бездонная, эта яма. Тут техника серьезная нужна. Когда Полковник принес письмо, я с удовольствием подписал. Все подписали. И что вы думаете? Пригнали самосвал с песком, засыпали, утрамбовали, до асфальта, правда, дело не дошло. Песок размыло первым дождем, но Полковник не сдастся, снова пишет, а мы подписываем. Он лидер, можно сказать, но с натяжкой по причине занудства, извините за выражение, в хорошем смысле. Копии писем и ответы аккуратно подшиты в специальную папочку с металлическими кольцами, разложены по датам – в хронологии, говорит Полковник, – темам, адресатам: ну там в газету, мэру, в ЖЭК и так далее. Его все в городе знают, только скажи «полковник Бура», как всегда найдется кто-нибудь, кто скажет: как же, как же, знаю, читал, в последнем номере «Вечерней лошади», про наркашей из парка! Причем все думают, это псевдоним. Не всякий так

может – я имею в виду папочку и общую упорядоченность и дисциплину. А наш Полковник запросто! А зарядка? А бег по шесть км каждый день? А обтирание снегом? А здоровое питание? Овсянка, сырые овощи и вареное мясо! И собой красавец, даже на мой мужской вкус: выправка, выбрит, аж блестит, джинсы не какие-нибудь с рынка, а настоящие: а что, может себе позволить, пенсия командирская, так сказать. Часы с наворотами. Серые глаза, белые волосы ежиком, кожа загорелая. Рост сто восемьдесят. Альбинос. Это Доктор сказал, что Полковник альбинос, я сначала не понял, думал, диагноз, но Доктор объяснил, что нет красящего пигмента в организме, поэтому общая как бы белесость, а так все нормально, ни на чем не отражается. Одним словом, настоящий полковник, по виду ариец и ни в чем таком не замечен. Пример для подражания, можно сказать.

Когда моя очень уж намекает, что... Не намекает, а говорит прямо, что такие мужики на вес золота, я даже не огрызаюсь: что да, то да, согласен. И самое главное, холост! Развелся с женой по причине ее измены – вернулся как-то из служебной командировки и застал вид на Мадрид в собственной спальне. Наши женщины ее осуждают: какого, мол, рожна дура надо было? А я думаю, что я ее вроде как понимаю: не выдержала его гражданского накала и общей порядочности – говорят, он всегда перемывал за ней пол! Она вымоет, а он за швабру и перемоет! По причине недоведения до стерильных стандартов. Причем молча, слова худого не скажет. Пе-

ремодит молча, и все! Думаю о своей: тебе бы такого мужика, который перемывал бы за тобой посуду, совал бы всюду свой нос и долго рассматривал чайник, распаявшийся по причине болтовни с соседкой, а также пригоревшие котлеты, пусть даже молча. Полковник, правда, котлеты не ест. Ну, это я так, в виде лирического отступления, а вообще Полковник человек достойный. Достойнейший!

Да у нас все тут хорошие люди подобрались, повезло. Не так, как в других кооперативах, где убиваются за межу, скандалят, подкупают землемера, чтоб передвинул на десять сантиметров – ну прямо, не отдадим ни пяди, а при случае и ваше прихватим! И на нервах все, на нервах, а потом: ах, давление, ах, несварение, ах, нервный тик, в глазах снежинки и общая слабость. Про снежинки – это моя теща, у нее высокое давление. А все потому, что не думают головой: посудите сами, много ли можно получить с лишних десяти сантиметров? Да ничего! Но какая голова, когда жадность. Самый страшный человеческий порок – жадность! Хапнуть, урвать, еще, еще, дом в два этажа, в три, с колоннами, с башнями, с курантами, с золотым петушком! Все мало! Построил тут один у нас с золотым петушком на крыше, а его, петушка-то, и сперли. Крику было – не передать! Чуть инфаркт бедолагу не хватил. Он его, говорят, из Японии тащил, какой-то особенный японский петух с иероглифами счастья. Крику и смеху.

У нас тоже люди вроде не бедные: тот же Полковник,

и Доктор, и Степан Ильич из налоговой, а как построили домики кирпичные лет двадцать назад согласно дозволенным стандартам, так и пользуются, и никаких тебе излишеств. Потому что головой думают, понимают, что жизнь – это не домик с петушком или лишних десять сантиметров, а гораздо сложнее. Человеком надо быть!

А еще есть у нас Виктор Романович, адвокат. У него дом подальше, через две улицы. Этот забегает к нам нечасто. Приходящий, так сказать, член коллектива. Очень образованный человек, проживал за рубежом, лет семь как вернулся. Отец умер и дядька, отцов брат, позвал принимать бизнес. Он и вернулся. Холост, между прочим. Наши женщины уверяют, что водит к себе всяких, причем разных. Я своей Ларисе говорю, да какое вам дело? Чего на мужика накинулись? Свободный, при деньгах, работа трудная, надо уметь расслабляться, что не нравится? Маникюр, отвечает, не нравится! Ты видел его руки? И смотрит на всех как на быдло. И часы «Rolex»! Знаешь, на сколько такие тянут? Зеленых, между прочим. И кольцо с печаткой! Не согласен, говорю, за очками лично мне не видно, куда и как он смотрит. Молчит, никого не обижает. Часы... Ну да, дорогие. А чего, прилично зарабатывает, вот и часы. Не ворует, не грабит, зарабатывает своей головой и образованностью. Ага, говорит, только от его прилизанного вида и улыбочки прямо мороз по коже. И не только у меня, Любаша тоже так думает. Даже Инесса... Ты видел, как она на него смотрит? Как на... даже не знаю!

На очкастую змеюку! На змеюку... Это же надо такое выдумать! Вот Полковник наш хват и молодец, а Адвокат – очкастая змеюка. И баб к себе водит! Преступление какое, подумаешь! Вам бы головой чаще думать, дорогие женщины, а не эмоциями. А случись чего, не дай бог, куда бежать за помощью? А что молчит, так эти судейские все крючкотворы и лишнего не сболтнут, такая профессия, им полагается. А если и водит кого к себе, не наше это дело. А она мне: вот она, мужская солидарность! Я только рукой махнул: разве ее переспоришь? Змеюка, надо же! А не потому ли, что на вас ноль внимания? Обидно вам? Ну да, комплиментов не говорит, ручки не целует, так и я тоже вроде не силен в этикетах, и Степан Ильич наш...

Но, если честно, не могу не признать, что частично Лариса права. Не вписывается он в наш коллектив, холодок чувствуется. Все как родные, а он не вписывается. Но человек интересный, культурный, как начнут с доктором про историю, заслушаешься. Или с Инессой про музыку или знаменитых певцов. Она горячится, начинает кричать, а он спокойно все излагает, и цитатами на иностранных языках так и сыплет. То есть не всегда молчит, а только на всякие бытовые темы и, извините, сплетни про соседей. Знает цену свидетельским показаниям, так сказать. Лично я это приветствую, мне зацепиться не за что, не все люди свои в доску, некоторые держат себя на расстоянии. Нутро у них такое, это ни плохо, ни хорошо, просто так уж они устроены. Полковник тоже не

рубаха-парень и вроде как дистанцию соблюдает, и Доктор из себя непростой. Все разные. Между прочим, Полковник уважает Адвоката, советуется насчет жалоб, и тот никогда не откажет, все по полочкам разложит, слова нужные подскажет. Инесса однажды сказала про него: кот, гуляющий сам по себе! В том смысле, что мы ничего про него не знаем, о себе не рассказывает, не делится, вроде как недостойны. Хотя, с другой стороны, я сам не люблю про свои дела трепать. Но человек он интересный и порядочный, вот что главное. Мне так кажется.

Инесса – актриса из театра оперетты, та самая, что смотрит на Адвоката как на змеюку. Соседка справа. Инесса Арлар... Арлазорова! Сразу и не выговоришь, но на афишах смотрится. Интересная женщина, крупная, пышная, яркая. Все время лежит в шезлонге, читает романы. Тоже разведенная, бывший муж служит по дипломатическому ведомству. Жили вместе за границей, а потом она вернулась, а он остался. Из хозяйства у нее только яблоня и дикие заросли малины – и все! Ни зелени, ни клубники: говорит, у меня работа нервная, мне нужно расслабляться и беречь руки. Часто репетирует – голос сильный, аж мороз по коже, причем без всяких микрофонов. Из «Марицы», «Сильвы», еще из одной, не знаю названия, все «я танцевать хочу, я танцевать хочу!». И еще гаммы: «а-а-а-а-а» вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Интересная женщина, умная. Моя Лариса говорит, хоть уши затыкай и в желудке слабость, а я не согласен.

Мне ее голос нравится, она и билеты предлагает в театр, да все как-то то одно, то другое мешает. Чувствую, тяжелый на подъем стал. А Лариса принципиально не хочет, не любит оперетту. Одно время... не хочу повторять бабские сплетни, но вроде как они с Полковником... Все наши шептались, но ничего не вышло. Их видели в ресторане, говорят, интересная пара, но не сложилось. Может, оно и к лучшему. Хотя, с другой стороны, взять меня, допустим, остался я один, ну мало ли – так что, сразу кинусь снова жениться? Да ни за какие коврижки! Это им, женщинам, нужна семья и все такое, а иначе вроде как чего-то не хватает и перед соседями стыдно. Конечно, Инесса не умеет ни готовить, ни убирать, к ней ходит женщина – даже на дачу, ну так Полковник и сам полы вымоет лучше всякой женщины, как раз и подошли бы друг дружке! Ан нет, не вышло. Полы, видать, не главное для семейной жизни. Или та же готовка.

У Инессы сын тоже дипломат и стихи пишет. Она читала нам как-то. Не знаю, я, конечно, в стихах не силен, а только я даже не понял, о чем эти стихи. Вообще, молодежь сейчас очень продвинутая пошла, те, которые учатся, а не те, которые с пивом по улицам. Хорошая молодежь, ничего не скажу. Я всю жизнь с молодежью, как вернулся с армии, так и пошел в училище мастером. Тогда не было ни компьютеров, ни сотовых телефонов, ни Интернета, ни тарелки – а ведь жили, и неплохо жили, и все понятно было, не то что сейчас. Ну, да так всегда: молодое поколение приходит, ста-

рое сдает позиции, такой цикл и планида, главное, жить и давать жить другим. Я человека сразу вижу, кто на что способен, посмотрелся. А только и в самом никудышном что-то есть, только достать надо, как свечку зажечь, да кто же захочет возиться? Школа сейчас сами знаете какая.

Да, я не сказал... Зовут меня Петр Андреевич, можно Петр или Петя. Или Мастер. Жену – Лариса, мы с ней уже почти четверть века вместе, троих детей вырастили, сыновей. Старший, Женька, в Германии по контракту в спортивном клубе, боксер; близнецы Сашка и Пашка – программистами, дома. Старший женат, детей пока нет, молодняк не спешит, гуляет.

Еще у нас доктор есть, я уже говорил, Владимир Семенович, очень хороший человек, все лето на даче. После работы – он в городской больнице хирургом на полставки, потому как на пенсии, – сразу сюда, и отпуск тут же. Никаких заграниц: дача, и все. Жена у него профессор психиатрии, все по европам разъезжает, книжки пишет, но держатся вместе, не разбежались. Правда, мы ее и не видели ни разу. Доктор – интеллигентный человек, интересуется историей, читает много, как расскажет что-нибудь, так и подумаешь, чего только на свете не бывает! И до нас люди жили. Хороший человек, спокойный, думает много, больше молчит, а иногда так посмотрит, вроде что-то про тебя понял и в душе усмехнулся. Молчит, молчит, а потом как выдаст! И не знаешь, правда или выдумал для смеха. Лариса говорит, Доктор пьет,

но я лично не видел его под этим делом, не знаю, говорить не буду. А так, человек он исключительно интересный и образованный. Жаль, что жена все время в разъездах, а он здесь один. Одному не дело. Может, потому и позволяет себе. Хотя, кто знает, иногда думаешь, что и одному неплохо.

Степан Ильич, сосед слева, налоговый – как взглянет, так сам налоги принесешь без напоминания. За весь вечер, бывает, слова не скажет, только слушает. А супруга у него славная и простая, Любаша, любительница поговорить. Он иногда ее обрывает: «Люба!» говорит негромко, она и замолкает на пять минут. Это он ее так окорачивает: мол, не болтай лишнего. Любаша – наша многотиражка, как ей удастся знать все, что происходит в городе, ума не приложу. А ведь знает, в курсе! Насчет пожаров, грабежей, свадеб, убийств, фактов коррупции в местной администрации, семейных и общественных скандалов, слухов о подорожании продуктов, что впоследствии стопроцентно подтверждается прессой, а если не подтверждается, то исключительно, как я думаю, по недосмотру журналистов. Ей бы в газете работать, но образования не хватает, да и Степан Ильич не позволит по причине собственной карьеры: мало ли какие государственные секреты он ей может выдать по супружеской слабости. Любаша из себя приятная: глаза серые, щеки румяные, волос пышный...

Есть и другие, с дач подальше, но это ядро, так сказать. Всегда кто-нибудь заглянет на огонек, то к нам, то к Степа-

ну Ильичу, то к Полковнику, мы гостям рады. Сидим, бывало, лампа горит, курится патрон от мошек, на столе все свое, с грядки, чистое, запах – век бы нюхал: картошка вареная, копченая рыбка, жаренные на мангале куриные ножки, коньячок из серебряных рюмочек. И тут же здоровенное блюдо овощей и зелени. Красиво! И разговоры всякие без конца краю – уходить не хочется. Интеллигентная спокойная компания. Повезло нам с соседями, ничего не скажешь.

Глава 2

Вечер как вечер, ничего особенного

...И вдруг наступила тишина. Все сказано, пауза. И такая тишина – не передать, не городская, особенная. И не то чтобы крошечная, нет, всякие звуки присутствуют: то птица во сне зашевелится и пискнет, то ежик протопает, то ветерок пробежит, а чувствуешь, что обволакивает тебя, «дует в затылок», как говорит Доктор, и радость какая-то разливается и ожидание хорошего. Попытался я как-то рассказать это все жене, говорю, руками размахиваю, а она уснула – дело в постели было. Ну я и замолчал. Человеку нужно соучастие в хорошем смысле, нужно выложиться, а она... Вы не подумайте чего, Лариса у меня хорошая, а иногда чувствую, чего-то не хватает, даже и не поймешь чего, тонкости, понимания... Хотя женщина она хорошая, хозяйственная, на работе ее уважают, мальчики наши все: мама сказала, мама велела... Правда, командовать любит. И судит, как с плеча рубит. Тот такой, этот сякой. Я ей часто говорю: подожди, не торопись, узнай сначала, люди не ангелы, крыльев нету. Но иногда бывает права, даже не иногда, а часто. Ты, говорит, у нас добренький, и парней неправильно воспитал, а сейчас так нельзя, мигом обдерут. Добренький! Как будто размазня

какая. Но это одни слова, она сама отдаст последнее и поделится, но поговорить любит. Все они любят, устройство такое. Да все лучше, чем в душе держать. Вообще-то, они более приспособленные и ближе к земле, как говорят ученые, и стрессов у них меньше – они любой стресс из себя выплеснут с разговорами и сплетнями, так природа предусмотрела. Или с шопингом. У них задачи другие по жизни: дать потомство, очаг поддержать, дом вести. Правда, кто говорит много, тот меньше думает, как я понимаю. Тут или – или. Тут уж ничего не поделаешь: или ты говори, или думай. А мужчина – открыватель, в нем любопытство имеется, ему интересно, что там, где-нибудь в другом месте, и думает он много, изобретает, сочиняет и вообще, иначе устроен, его дома не удержишь...

Ну да ладно, с чего это я вдруг... А только мысли всякие о жизни, о прошлом, о будущем иногда так не дают покоя, прямо извертишься весь. Лариса давно спит, похрапывает, а я лежу, думаю, вспоминаю...

...Сидим, значит. Ночь, тишина, земля остывает, маттиола и ночная красавица пахнут – аж в горле першит. Инесса зябко ежится, кутается в цыганскую шаль – черную, в красные и синие розы. Переплетает пальцы, подпирает лицо руками, задумчиво смотрит на огонь. Круглые плечи, белые пальцы, пышные рыжие волосы. Прямо картина. Полковник сидит рядом, лицо серьезное, даже суровое. Любаша молчит, что удивительно – задумалась.

– Ангел пролетел, – говорит Инесса, и все вздрагивают.

Большая серая бабочка начинает биться в стекло лампы.

В тишине слышен шелест крыльев. Все смотрят на бабочку, а та не в силах разорвать притяжение, трепещет, бьется, умирает.

– Так и человек, – говорит вдруг налоговый Степан Ильич. – Бьется, бьется, а соскочить не может. Ни характер не поможет, ни воля. И понимает разумом, а не может.

– Вечная битва между разумом и инстинктом, – говорит Адвокат. – В каждом из нас сидит *хомо сапиенс эт бестиа*...

Никто не отвечает. Инесса протягивает свою полную руку и гасит лампу. Наступает крошечная тьма. И сразу проявляются звезды. Бабочки больше не слышно. Улетела. Темень обволакивает и скрывает чашки на столе, кусты, дом.

Но через минуту ночь светлеет, и можно уже рассмотреть лица.

– Интересно, куда мы уходим? – говорит Инесса.

– В каком смысле? – интересуется Полковник.

– В прямом! После жизни.

– Я вот читала... – вступает Любаша, но Степан Ильич привычно говорит: «Люба!», – и она смолкает на полуслове.

– Никуда, – говорит Полковник. – Происходит распад материи, выделение энергии, присоединение к мировому энергетическому океану, и все.

– А душа?

– А что такое душа?

– Говорят, душа переселяется, только не помнит.

– Толку тогда, если не помнит, – говорит Степан Ильич веско. – Душа – это память, одно и то же.

– Душа есть, и память есть, – говорит Инесса. – Даже древние люди верили в душу. Все верят, только не хотят признаться.

– Не столько верят, сколько надеются, – говорит Доктор. – Человеку трудно примириться с уходом, вот он и надеется, что это не конец. Что душа полетела дальше, она вечная.

– Иногда люди вспоминают прежнюю жизнь, – говорит Любаша. – Ученые даже разработали специальные таблицы, если все заполнить, то узнаешь, кем ты был раньше. И сны видят из той жизни, поэтому ничего не понятно.

– Читал! – говорит Полковник. – Одна моя знакомая была царицей, говорит, ясно вижу, как сижу на троне, а свита на коленях.

– Одна царицей, другая принцессой, третья жрицей, как же, – хмыкает Доктор. – А землю кто копал да детишек рожал в грязи да в нищете? А ведь не напишут такого в ваших таблицах, всем царяц подавай.

– Когда пахал Адам и пряла Ева, где родословное тогда стояло древо?¹ – продекламировал Адвокат.

– Вот именно! – воскликнул Доктор.

¹ When Adam delved and Eve span who was then a gentleman? (англ.). Слова монаха Джона Болла, ставшие лозунгом Крестьянской войны 1381 г. в Англии. В смысле, все мы равны и вышли из одного корня.

– Вы такой пессимист, Доктор, – вздохнула Инесса. – Я, например, знаю, что всегда пела, иногда представляю себя на громадной арене вроде Колизея, в белом, люди сидят на трибунах, и мой голос, такой мощный, сильный, взлетает к небу! В Колизее потрясающая акустика.

– Я реалист, а не пессимист.

– Я тоже, – говорит Полковник. – Насчет души сомневаюсь, не видел, но согласен с классиками, что душа – это способность организованной материи мыслить. Распадается материя – исчезает способность мыслить. Только всего.

– Говорят, после смерти вес тела уменьшается на два или три грамма, ученые считают, это вес души, которая улетает, – говорит Любаша.

– Конечно, три грамма, как же – говорит Доктор. – Какие ученые?

– А всякие явления? – вступает моя Лариса.

– Какие явления?

– Ну... потусторонний мир или параллельный. Иногда человек, который умер, является тебе во сне, в непонятной одежде, говорит странные вещи. Откуда он явился? Или ты вдруг чувствуешь, что знаешь какого-то человека или место, хотя никогда раньше там не был и никогда его не встречал, это как?

Я хотел было сказать, что случается такое все больше с женским полом, но промолчал. Меньше надо присматриваться к незнакомым людям и читать женские журналы.

И смотреть всякие страшилки и экстрасенсов по телевизору.

– А я вот читала в одной книжке, – говорит Любаша, – что днем мозг контролирует и фильтрует информацию, а ночью отдыхает, и вся информация из космоса поступает прямо в мозг, отсюда и непонятные сны. Наш мозг не может расшифровать эту информацию.

– Игра функций, предоставленных самим себе, – замечает Доктор.

– А еще люди иногда видят тех, кто умер, – громким шепотом говорит Любаша. – Не во сне, а наяву! Говорят с нами, то да се, прощаются, расходятся, а потом вдруг вспоминают: а ведь человек-то умер! Или еще не знают, что умер, а потом только узнают. Оглядываются, а того и след простыл! Вот только что был здесь – и вдруг нету. Я читала!

– Да что мы все о покойниках! – с досадой говорит Лариса. – Аж мороз по коже!

– Но ведь есть же что-то, – замечает Инесса. – Не может не быть! И ясновидящие есть, и пришельцы, и всякие явления... А взять предчувствия?

– Пришельцы из космоса? – уточняет Полковник.

– Нет, из другого мира! Потустороннего или параллельного. Доктор, неужели вы за всю вашу жизнь... Клиническая смерть, например? Что-нибудь необъяснимое и паранормальное? А?

Доктор отвечает не сразу. Думает.

– Как соотносятся пришельцы из другого мира и клини-

ческая смерть? – говорит наконец.

– Я имела в виду, когда люди возвращаются после клинической смерти. Кто пережил, говорят, что видели ослепительный свет и туннель, как будто вход куда-то. В смысле, все видят одно и то же, это как?

– Не хочу вас разочаровывать, – говорит Доктор, – но это говорит лишь о том, что умирание отдельных участков мозга вызывает определенные видения. Физиология – и ничего более.

– Как прозаично, – отвечает Инесса. – И все-таки должно быть что-то, не может не быть! Так просто взять и исчезнуть... Не верю! Есть другой мир, есть лазейки, есть способы общения...

– Верю, не верю, – говорит Доктор. – Вера помогает жить, всем известно. Выжить. Завидую.

– Вы, мужчины, все циники, – говорит Инесса печально.

– Не все, – говорит Полковник. – Я, например, материалист.

Она глянула на него, но промолчала. Протянула руку, щелкнула кнопкой. Свет ударил по глазам. Лариса даже ойкнула. Певица снова щелкнула кнопкой, и свет погас. Молчание. Доктор вдруг сказал:

– Был, впрочем, один случай... – и замолчал.

Я почему-то подумал, что в темноте всегда легче вести разговор – мысль, что ли, лучше организуется и высказывается. Может, потому, что не видишь лиц, и люди тебя тоже

не видят... Или темнота выталкивает из тебя даже то, о чем говорить не собирался, как будто за язык тянет. Не знаю, так мне вдруг показалось.

– Я знала! – воскликнула Инесса.

– Я был тогда молодым человеком, – начал Доктор неторопливо, – только со студенческой скамьи, самоуверенным, циничным, нахальным...

Глава 3

Рассказ Доктора

...Он замолчал. Мы тоже молчали, ждали рассказа Доктора. Он замечательный рассказчик. И тут вдруг стало светло как днем! Луна взошла.

– Мистика, – уронила негромко Инесса. – Включили специально для вас, Доктор. Итак, вы, – молодой, нахальный и циничный...

– Все верно. Нахальный и циничный, как и полагается молодому доктору. Распределили меня в районную больничку в некий старинный патриархальный и сонный городок, где время остановилось где-то в начале века и прогресс не слишком прижился. И нравы были под стать: слухи, сплетни, сование носа в дела ближнего. Но ко мне с уважением, здоровались издали и непременно спрашивали совета, прямо на улице, норовя показать, где болит, печет или колет. Через пару дней уже знали про меня все: холост, из города, невесты нет, женат не был, накинул взглядом на лаборантку Леночку. Какое там накинул! Проводил раз домой, и все дела. Хватило ума понять, что здесь нравы жесткие: проводил – женись! Леночка была милая девочка, но... – Доктор развел руками. – Милая, добрая, прекрасная хозяйка... а поговорить? После наших горячих студенческих диспутов обо всем

на свете, после шумных застолий и буйного бытия в общаге, романов, драк и скандалов местная жизнь казалась мне пресной. А уж Леночка не шла ни в какое сравнение с бойкими городскими барышнями. Я демократ, есть и всегда был, чужд всякого снобизма, жалею людей и сочувствую им, но нос, конечно, драл: провинциалы, простота, известная наивность, даже, если угодно, известная тупость – куда им до нас, продвинутого молодого поколения! Тем более я был уверен, что пробуду здесь недолго. Молодость самонадеянна, чем и хороша. Все ясно, все понятно, а что непонятно, то вскрытие покажет. Это потом, с возрастом оказывается, что есть вещи, которые объяснить не получается. Хотя мне пришлось столкнуться с этими вещами гораздо раньше.

– Виноват, не понял, как это, не получается объяснить? – встрял Полковник. – Что значит, не получается? Мистика? Лично я в мистику не верю.

– А я верю, – сказала Инесса. – В жизни должна быть тайна, иначе скучно.

– Вам, женщинам, только тайны и подавай, – заметил налоговый Степан Ильич. – Жизнь простая и ясная, живи по чести и никаких тайн не надо.

– И плати налоги, – подсказала Инесса. – Доктор!

– Одним словом, я думал, годик-другой – и только меня тут и видели, – возобновил свой рассказ Доктор. – Так думал я, а у местных женщин были на меня свои планы. Помню, как я удивился, когда старшая сестра, здоровенная громо-

гласная тетка, Зоя по имени, привела ко мне востроносенькую бойкую старушенцию в цыганском платке и сказала, что это Платоновна, сваха, дай бог всякому. Сваха Платоновна окинула меня с ног до головы цепким взглядом, только зубы не попросила показать, и важно кивнула: годится, мол. Мои попытки убедить эту парочку, что я не собираюсь жениться, не готов, имею собственные планы на будущее, ни к чему не привели. У них в голове не укладывалось, что крепкий здоровый мужчина при деньгах, и вдруг холостой! Негоже это, не по-людски. И понял я, что обженят, глазом моргнуть не успею! Как пить дать обженят!

Одним словом, отбрыкивался как мог. Платоновна чуть не каждый день приходила в гости, подмигивала, распивала чай с овсяным печеньем – специально для нее покупал – и нахваливала свой товар. И собой хороша, и домовита, и усадьба, и дом богатый, и должность хлебная – заваптекой, а я чувствовал себя уездным доктором из девятнадцатого века, даже оторопь брала и хотелось встряхнуться... знаете, так собаки встряхиваются после купания. Встряхнуться и вернуться в наше время.

Работа спасала, конечно. Денно и ночью. Жил я в пристройке при больнице, был самый невзыскательный, утром кофе с бутербродом, днем супец от нашей поварихи и тушеная картошка с мясом, кормили неплохо, свое хозяйство. Хотя, допускаю, подкладывала она мне кусок пожирнее и послаще. В те времена чуть не главной добродетелью женщи-

ны было стремление накормить мужчину, процветал буйным цветом домохозяйкой, особенно в провинции. Про обеды в ресторане и не слыхивали, а само заведение считалось чуть не вертепом, куда приличная женщина ни за какие коврижки не пойдет. Кстати, единственный ресторан у них носил гордое название «Космос».

– Чисто люди жили, не то что теперь, – сказал, ни к кому не относясь, Степан Ильич.

Инесса фыркнула.

– Работа, как я сказал, очень способствовала быстрому течению времени, недели так и мелькали. Лечил я все, и травмы, и гинекологических, и за окулиста приходилось. Натаскался как ни в какой приличной городской больнице не натаскают. Опыт приобрел колоссальный. Иногда звонил своему профессору, консультировался. Народ хороший, послушный, но суеверный и слегка дикий, масса предрассудков насчет луны, пустых ведер, воющих собак и черных кошек. Особая статья: вещие сны. И как водится, конкурирующая фирма – местная знахарка Оля, крепкая краснощекая чернобровая женщина. Она пришла познакомиться – навещала больную бабушку, принесла той снадобья и черный грубого помола хлеб, который сама же испекла и заговорила, и зашла ко мне в кабинет. Принесла гостинцы: коричневые пряники в виде человечка с большой головой и двумя изюминами вместо глаз. Сказала, от дурного глаза и подмигнула. Я хотел было отчитаться про бабушку, как и что – той было хорошо

за девяносто, но Оля махнула рукой: знаю, мол. И говорит, как Мара скажет. Похоже, это было местное присловье. Кто такая Мара, разумеется, спросил я. Мара, ответила она. Пожала плечами и перевела разговор на меня: как, мол, мне тут? Не обижают? Прижился ли?

Напоил я ее чаем, и она отбыла. После нее остался в комнате сильный дух сухих трав и грибов. «Колоритная женщина, – подумал я. – Сочная». «Чего ведьма хотела?» – спросила старшая Зоя, заглянув через пару минут в кабинет. «Ведьма? Бабушку проведала. Почему же она ведьма?» – спрашиваю. «Потому что ведьма, – ответила Зоя. – Ведьма и есть. Вы с ней поосторожнее, а то...» – Она дернула плечом. «Кто такая Мара, – спросил я. – Тоже ведьма?» Зоя уставилась на меня, даже рот приоткрыла, но промолчала. Сослалась на неотложные дела и тотчас ушла.

Я постепенно втягивался в их жизнь и нехитрый быт. На рыбалку ездил со сторожем Иваном Илларионовичем, с ночевкой, а наша повариха жарила улов, причем хватало и больным. Лежишь, бывало, без сна, река чувствуется рядом – рыба плещет, ветлы пошумливают, звезды – рукой дотянуться, и такое чувствуешь слияние с природой, какого ни до того, ни после у меня уже не было.

А церковные праздники! Колокольный звон, народ с узелками куличи святить, солнце, благость, батюшка старый, всех по имени знает... Пасха. Потом день усопших – Радо-ница, потом Троица...

Народ гуляет, я же днем работаю, ночью дежурю. К вашему сведению, я не то что атеист, а разумный агностик. Да, готов согласиться, есть что-то выше нас, как бы это поточнее выразиться – запредельное, что ли, но я это что-то не видел, а раз не видел, то и суда нет. Бог за работу в неурочное время простит, не пьянка же.

Четырнадцатое июня, как сейчас помню. Троица. Теплая ночь, окна открыты, на полу в коридоре и палатах разбросаны стебли аира, запах сумасшедший! Пусто. Все ходячие разошлись по домам, весь персонал тоже – праздновать. Собрались перед тем у меня в кабинете, отметили, как водится, и по домам, а я остался. Обошел полупустые палаты, присел на пару минут около бабушки ведьмы Оли, пожелал спокойной ночи. Она меня перекрестила темной сухой костлявой ручкой и говорит: прощайте, доктор, я теперь легкая, Святая Троица со мной. Сподобила меня... И слово какое-то сказала, я не расслышал. Похлопал ее по руке и отправился к себе. Входя в кабинет, оглянулся и с удивлением увидел в конце коридора мелкую женщину в черном. И она оглянулась. Чувствую, смотрит на меня, а лица разобрать не могу, серая пелена какая-то у нее на лице. И котенок вроде на плече, пасть розовую открыл, но звука нет. Или белка. Тут она повернула за угол и исчезла. Я еще ухмыльнулся: впору, мол, перекреститься.

Ночь прошла спокойно. Раскрытые окна, благоухание зелени, пребывание слегка на рауше способствовали тому, что

я спал как убитый. Утром встал, свежий, бодрый, напился кофе. День разгорался чудесный, солнце светило, небо голубое. Прошелся я по больнице, народ подтянулся, кухня уже работает, санитарочка Света что-то скребет. Зашел к Оливной бабушке, а она, бедняга, умерла. Причем ничто не предвещало такого исхода, радовалась старушка накануне светлому празднику, улыбалась... Тут меня словно жаром обдало: я вспомнил, что она попрощалась со мной! И сказала... Что же такое она сказала? Святая Троица, говорит, со мной, сподобила меня... И тут я вдруг вспомнил слово, которое она сказала! Мара! Сподобила меня Мара, точно! И сразу видение: мелкая женщина в черном заворачивает за угол, и лица у ней не разобрать. Ну ладно, думаю, теперь не отвертитесь. Нашел Зою, пошли, говорю, поговорить надо. Привел в кабинет, сядь, говорю. Она смотрит во все глаза, даже испугалась. Я говорю, бабушка из третьей палаты умерла и спрашиваю: «Зоя, кто такая Мара? Может, теперь скажешь?»

Она смотрит на меня и молчит. Я наугад: «Я ее вчера здесь видел!» Она перекрестилась. Ну, говорю грозно: «Кто такая Мара?» А она мне: «Да вы ж не верите, вы городской, это наши дела, вы чужой, вам не надо». Я настаивал, и в конце концов она, как принято говорить в криминальных романах, раскололась. Мара была ведьмой, давно уже, лет сто назад. А когда умерла, не пошла *туда*, а осталась между *явью* и *навью*, и теперь приходит на Троицу. Раз в год. И только

в больницу, потому что на этом самом месте стоял когда-то ее дом. Мару когда видят, когда нет, она всегда ночью, всегда на Троицу, когда зеленью сильно пахнет. Приходит за смертником, вот как Олина бабушка, чей час пришел, и она уже ждет. С Олей попрощалась, та днем приходила, с соседкой по палате, раздала санитаркам деньги на спомин, приготовилась. И призвала Мару. Потому и в больницу попросилась. Положили ее мы с гипертоническим кризом, а тут оказалось, что сама попросилась и призвала эту самую Мару.

Вся больница знала, что бабушка собирается умереть, и совершенно спокойно это восприняла! Язычество какое-то, честное слово. Как она выглядит, спрашиваю. Ну как, говорит, маленькая, в черном, кошка при ней черная, а лица не разглядеть, потому как мельтешит и не дается. Говорят, к удаче, если ее увидеть, и смерть легкая, всякому бы такую. А кто вам сказал про нее, спрашивает. Не помню, бормочу, совершенно обалдевший. И не знаю, то ли верить, то ли нет. Это к вопросу, насколько легко соскребается с нас налет модернизма, неверия и антимистицизма, так сказать, и вы с головой ныряете в то, чему и названия-то нет. Вспоминаю, что, действительно, была черная кошка, а лица не было. Маленькая, в черном. Все во мне восставало против Мары, перечислил всех наших служащих, расспросил всех лежачих, оставшихся той ночью в больнице, кто такая, была ли. Их было-то раз-два и обчелся, никто летом не хочет в больницу по причине садово-огородных работ. Ответ был однозначный:

нет, не видели. Зацепила она меня, стал визнавать. Оказалось, все про нее знают. Весь городок. А некоторые даже видели, и описание подходит: маленькая, в черном, без лица, и кошка. И непременно кто-то умрет. И обязательно в больнице. И обязательно на Троицу. Она сама умерла на Троицу, вот и любит приходить тогда же. Она, оказывается, застряла между явью и навью... Навь! Я и слово-то такое впервые услышал. Мир мертвых, оказывается. Явь, соответственно, наш мир. А то есть еще правь. Три мира славянского мифологического миропонимания, три стороны бытия. Реальный мир, мир мертвых и правь – истина и законы, управляющие реальностью. Махровое язычество, дожившее до наших дней. Обитатели городка жили с этим знанием с рождения, я же не знал о нем ровным счетом ничего. Заинтересовался. Стал искать ответы, записался в библиотеку, подружился с ведьмой Олей. Рассказал ей, что видел Мару. Не уверен, что она поверила. «Кто же она теперь такая, – спрашиваю. – Была ведьмой, а сейчас?» «А сейчас, – отвечает Оля, – защитница, оберегиня, отпугивает нечисть и лихо всякое». «Она же приносит смерть», – говорю. На что Оля ответила: «Значит, пришло время, человек сам призвал». Получается: оберегиня и ангел смерти. Как это совместить? И я сдался.

– Надо было проверить больничные архивы на предмет смертности на Троицу, – вмешался Степан Ильич. – Архивы хранят все.

– Уверяю вас, что это было первое, что пришло мне в го-

лову, – сказал Доктор. – Я не поленился, просмотрел архивы, расчислил Троицу за последние десять лет, и действительно, оказалось, что кто-то обязательно умирал как раз в ночь Троицы. Мистика! Там, конечно, не упоминалось про Мару, но все равно показательно. Вот так, господа реалисты, думайте, что хотите.

– А я верю, – сказала Любаша. – В мире одних букашек миллионы видов, я читала, а значит, полно и всяких невидимых существей. Когда-нибудь ученые научатся их выявлять и...

– Люба! – произнес Степан Ильич, и Любаша привычно умолкла на полуслове.

– Со временем я и сам стал думать, что привиделась она мне после праздничного застолья, – сказал Доктор. – Хотя какое там застолье! Выпили по паре стопарей домашней водки да разбежались. Зелье, правда, крепкое было, забирало мгновенно, но не до такой же степени! И в галлюцинациях замечен до тех пор не был, нервная система, сон, все в норме. Так и не знаю до сих пор. Разум протестует, а как объяснить, не знаю.

– Не привиделось, – сказала Инесса. – Об этом много написано. Человек после смерти застревает между мирами – ни туда, ни сюда, так и существует. Никто его не хочет, ни там, ни тут. Плата за грехи. Она была ведьмой, колдовала, вот и поплатилась.

– Или переселилась в параллельный мир и приходит вре-

мя от времени, – добавила Любаша.

– Люба!

– Дамские фантазии, извините за выражение! – не выдержал Полковник.

Что тут началось!

– Весь мир одна большая фантазия! – воскликнула Инесса. – Женщины это прекрасно понимают. А вы... Вы толстошкурые!

– Почему это толстошкурые? – обиделся Полковник.

– А барабашки? – закричала моя Лариса. – А тонкий мир?

– А домовые? – вторила ей Любаша. – Это разве не язычество?

– Позвольте, позвольте, – волновался Полковник. – Неужели вы верите в домовых? В двадцать первом веке?

– Верь не верь, а ведь есть что-то. Доктор! Владимир Семенович! Скажите ему!

– Ну как же вы не понимаете? Мы не одни в этом мире!

– Ага, еще и пришельцы.

– Я знаю, такие случаи описаны сотни раз!

– Не верю! Язычество было тысячу лет назад!

– Подождите, подождите! – закричала вдруг Инесса голосом, от которого мороз продрал по коже. – О чем мы спорим? Что можно знать? Нам рассказали интересную историю, которая нас зацепила, вон, как раскричались! И не надо тут голосовать «за» или «против», все равно ни до чего мы не дойдем, потому что нет ответа. Ни у кого нет. А вы, Доктор,

говорили, что материалист...

– Конечно, материалист, не язычник же. А только любое событие можно по-разному толковать. Случайности, совпадения, фантазия выиграла... Только и всего. Человек животное с воображением, ему нравятся сказки, он любит пугать и пугаться, испытывает потребность в острых ощущениях. Да и приврать гораздо. Животное, в смысле.

– О чем это вы? – спросила Инесса. – Вы что, выдумали эту Мару? И на самом деле вы ее не видели?

– Видел. Правда, находясь под парами. Я с вами честен, как на духу: не готов присягнуть, что видел в реале, как сейчас говорят. Тогда был уверен, сейчас уже не знаю, столько лет прошло. Я уехал оттуда через полгода, до следующей Троицы не дотянул. Не знаю. Мы с Полковником материалисты, правда, Полковник? Мы не верим вашим бабским, пардон, забобонам.

– Вы провокатор, Доктор! – заявила Инесса. – Рассказали про ведьму с черной кошкой, а теперь в кусты: не уверен, не знаю, под парами. Так нечестно!

– Нечестно! – подтвердила Любаша. – А я вот верю! И вы верите, только не хотите признаться, вы ведь человек ученый, вам стыдно верить в привидения.

– Люба!

– Ладно, ладно! – замахал руками Доктор. – Я действительно не знаю. То ли было, то ли нет, понимайте как знаете. Ответа у меня нет. Уже после отъезда я несколько раз со-

бирался позвонить Зое, спросить, не умер ли кто-нибудь на Троицу, да так и не решился, постеснялся. Так что не знаю.

– Было!

– Глупости! Не было!

– Виктор Романович, скажите хоть вы! Не молчите! – звала Любаша к молчащему Адвокату. – Вы человек опытный и много читаете!

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – процитировал Адвокат. – Это скорее вопрос веры, а не знания. Ученые отвергают паранормальные явления, но существуют явления, которые современная наука объяснить не в состоянии.

– А вы верите?

Адвокат задумался. Огни свечей отражались в стеклах его очков, и в нем чувствовалось что-то потустороннее.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Допускаю, что-то есть.

– Конечно есть! – воскликнула Любаша. – Мы же ничего о них не знаем!

– А легенды? – сказала Инесса. – А мифы? Думаете, просто так?

Одним словом, мнения разделились. Мужчины в Мару не поверили, женщины наоборот, а Доктор посередине, отстранился вроде: я, мол, доложил, люди хорошие, а вы как знаете. Его вообще понять трудно, иногда как выдаст что-нибудь или из древней истории расскажет, так и не знаешь, правда или понарошку, и кажется, вроде как подсмеивается над то-

бой. Адвокат тоже посередине – не определился. Осторожный!

Ох уж этот мне Доктор! Не ожидал, честное слово, не ожидал. Мы еще долго не могли уснуть, моя Лариса приводила все новые и новые доказательства тому, что *они* существуют, все про нас знают, подсматривают и приглядывают, только невидимые, а то еще вроде ветерок или сквознячок пролетит, и шаги и скрипы, а в доме никого.

– Ужас! Мороз по коже! – восклицала она, вертясь.

– Ты же образованный человек, бухгалтер, и веришь в эту чушь? Доктор посмеялся над вами, а вы и рады, – пытался я урезонить супругу.

– Ты... Ты какой-то... Не знаю! – Лариса даже заикаться стала от возмущения. – Нет в тебе широты! Честное слово! Зашоренный! И не читаешь ничего, кроме политики.

И по новой, с самого начала, с домыслами и догадками, даже не ожидал от нее, серьезная вроде женщина, супруга и мать. А на личности зачем переходить? Даже обидно – зашоренный! Я же не называю ее суеверной темной бабой, хоть и хочется. А Доктор, умник, туману напустил, завел всех, а они и рады. Ну, Доктор! Лежит сейчас небось да посмеивается.

Так я себе все объяснил, разложил по полочкам, а уснуть не могу, хоть ты тресни. Наверное, обиделся. Задела она меня за живое. Есть в ней это... И подругам на работе говорила, что я инженер, стеснялась, что муж со средним образова-

нием. Она давно уже угомонилась, за окном светать начало, а я все лежу и думаю, думаю...

* * *

...Полковник аккуратно запер за собой входную дверь и проследовал на кухню. Налил в стакан минеральной воды, выпил мелкими глотками. В спальне включил лампу на тумбочке, разделся, надел пижаму, улегся в постель с жестким ортопедическим матрацем и потянулся за книжкой. Вытащил закладку – это была цветная фотография Инессы в костюме Сильвы; полюбовался, отложил и углубился в чтение мемуаров генерала де Голля...

* * *

...Адвокат Виктор Романович, не включая света, вошел в комнату, сел на диван. Комната была залита лунным светом. На полу лежал черный крест оконной рамы, яркая идеально круглая луна висела в правом верхнем углу окна. Адвокат закрыл глаза и подставил лицо лунному свету. Ему казалось, он чувствует на коже чьи-то нежные прохладные пальцы. Не открывая глаз, он стал неторопливо раздеваться. Стащил футболку, расстегнул пояс брюк...

...Облитый лунным светом, нагой, ежась от ночной про-

хлады, он стоял перед раскрытым окном и смотрел на луну. Вспоминал рассказ доктора, думал, что они существуют, эти странные и потусторонние *мары*... Да и он сам... Откуда эта страсть к лунному свету? К темным комнатам, по которым он расхаживает нагишом? А его способность видеть в темноте? А его странные любовные привычки? Не всякая женщина проникнется... Он усмехнулся, вспомнив дачных дам... ведь чувствуют что-то! Рассматривают украдкой, обсуждают, напрягают воображение...

И тайны! Каждый что-то скрывает, каждый чего-то боится...

* * *

...Доктор сидел на веранде еще около часа. Смотрел на луну, отпивал из хрустальной рюмки коньяк. Вспоминал маленький сонный городок, где чуть не остался навсегда, славную простодушную девочку-лаборантку... Ему вдруг захотелось оказаться там, пройтись по улицам, заглянуть в больницу, встретить ее... Он усмехнулся: должно быть, растолстела, постарела, внуков, поди, нянчит. В таких местах ничего никогда не меняется, должно быть, и люди все те же. И Мара приходит в каждую Троицу, и ждут ее, а в коридоре разбросан душистый аир. Он представил вдруг, как лежит в палате и ждет Мару, прислушивается к шагам в коридоре, ему немного страшно и любопытно, *как* это произойдет:

присядет ли она на край кровати, возьмет ли его за руку, посмотрит ли в глаза... и он наконец увидит ее лицо. Что скажет, как утешит и успокоит; как *погасит* свечу...

Доктор усмехается, отпивает коньяк, смотрит на луну...

Глава 4

Пришельцы

*Я видел, как слова
Вонзаются в тело,
И человек истекает невидимой кровью.
Смерть сопровождается приступами душевной
боли.*

Р. Минаев. Я видел, как слова...

Вроде как мирно разошлись в тот вечер, а осадочек остался. И неловкость, что кричали и вроде как слегка поскандалили. Все-таки разные мы с ними, вроде базис и надстройка. Мы, мужчины, вкалываем, принимаем решения, за все в ответе, все в себе, думаем много, и аппетит хороший – мяса и хлеба побольше, а им... А что им? Посплетничать, нарядиться, пробежаться по лавкам, покритиковать соседку: а чего она вся из себя, а пол не метен? И главное, ничего не докажешь! Как упрется, как перекрутит, как смешает грешное с праведным... Ладно, с чего это я вдруг завелся. А все Доктор со своим рассказом про мертвую ведьму. Вроде провокацию устроил, а сам наблюдал и посмеивался. И вообще, разве мы знаем, что внутри у каждого? Какие там секреты, тайны и мысли? Слова вроде маски, дымовая завеса, игра.

Вот так живешь с человеком целую вечность и не знаешь его внутренних движений и нюансов. А ведь в каждом отдельный мир! Эх, чего-то на философию потянуло, и, главное, чувствую, а выразить словами не получается, как в старом анекдоте про собаку.

Короче, два дня мы не собирались. Полковник носа не кажет, наверное, генеральную уборку у себя в домике затеял. Инесса уехала в город; Доктор тоже у себя хоронится – моя Лариса уверена, что ушел в запой. А я не верю. Вернее, не то что не верю, а только не мое это дело, я его крепко уважаю, умный и добрый человек. Вот о Степане Ильиче, налоговике нашем, такого не скажу. Чувствуется, человек честный, с устоями, старой закалки, а вот тепла от него нет. Повезло ему с Любашей. Да, может, так и надо ему по роду службы, мытарь, как говорится в Библии, тут без характера не обойтись. Инесса... Я невольно улыбаюсь. Красавица! Лариса моя ее не любит и осуждает, говорит, погуливает, и с Полковником не срослось, наверное, узнал про ее шашни, они, театральные, все такие. Я возражаю: свечку, мол, никто не держал, зачем же так, а она не унимается, свербит ей доказать, что права. И главное, одни домыслы, никакой конкретики. Мы, говорит, женщины, видим одна другую насквозь, и такая она и сякая, а ты слюни пускаешь. Вон Полковник ее сразу раскусил! Полковника она хвалит: и домовитый, и умница, и гражданская позиция, и бьет в набат, и собой хорош, дай бог всякому. И не унимается: бу-бу-бу и бу-бу-бу. А на-

счет Полковника еще неизвестно, кто кого раскусил. Так-то. Я уже давно молчу, а она все развивает тему. Разве ее пере-говоришь?

Адвокат тоже вроде затаился. Ну да с ним никогда не знаешь, права Инесса – кот!

Я уже заканчивал чинить заборчик, когда появился Полковник. Подошел, поздоровался. В спортивном костюме, на шее красивое пляжное полотенце. Говорит, был в городе по делу, устал, жара страшная, рад, что снова дома. То есть в городской квартире ему не дома, а тут дома. Я усмехнулся: вот и у меня так же! Там вроде как долг и обязательство, а тут – радость и расслабление. Собираюсь, говорит Полковник, на речку поплавать и смыть городскую пыль, не составите ли компанию? Составлю, говорю, отчего же не составить. Тут Лариса выскочила, поздоровалась, улыбается во весь рот. Говорит, что-то давненько мы не собирались, надо бы поужинать вместе, а то вроде как чего-то не хватает. И спрашивает, а вы не знаете, кто теперь живет в пустой даче? Окна открыты, и какие-то люди мелькают, не в курсе? И музыка оттуда. Полковник ответил, что не в курсе, и видно, что расстроился: как же, пропустил такое важное событие. Между прочим, я тоже не в курсе. А насчет собраться на ужин, так это запросто, почему бы не собраться. И Доктора позвать, пусть еще что-нибудь вспомнит. Лариса только засмеялась и руками замахала: не надо, мол. И мы пошли на реку.

А вечером собрались у Полковника. Инесса тоже верну-

лась из города, побледневшая и вроде уставшая, какая-то невеселая. И Доктор вышел из дома, говорит, весь день проспал, всю ночь читал, не заметил, что почти утро. Лариса посмотрела на меня выразительно, бровку приподняла: а я, мол, что тебе говорила! Как втемяшится что в голову, ничем не выбьешь. А что, разве не мог человек ночью читать, а днем спать? Мог. Тем более такой ученый, как наш Доктор. Потом Степан Ильич и Любаша подтянулись. Лариса принесла голубцы, свое фирменное блюдо, Полковник выставил коньячок и бастурму, Доктор – большую коробку конфет, не иначе как от благодарного пациента. Любаша – котлеты и вареную картошку. Ну а я нарезал салат из огурцов и помидоров. И кинзы туда побольше, и чесночка, и сладкого перца. И заправил постным маслом с рынка – неочищенным, запах на весь кооператив – и яблочным уксусом.

– За дружбу! – сказал Полковник, поднимая серебряную рюмочку.

И тут вдруг появился Адвокат.

– Добрый вечер! Шел мимо, слышу голоса... Целый день в городе, устал, трудное дело, самое время расслабиться.

Я чуть не рассмеялся – ну прямо мои слова: самое время расслабиться! И ставит на стол бутылку шампанского «Мартини», не иначе как тоже от благодарного клиента. Инесса даже в ладоши захлопала от радости. Любят они шампанское! Полковник отставил рюмку, принес табурет. Адвокат сел. Полковник наливает ему коньяк; открывает шампан-

ское. По-гусарски, чтобы хлопнуло. Женщины вскрикивают и смеются.

– За дружбу!

Хорошо сидим, вроде одна семья. Вы не замечали, что у хлеба и мяса на воздухе совсем другой вкус? Женщины щебечут, обсуждают новых соседей, которых еще не видели, интересуются. Даже Степан Ильич ничего не знает. И Любаша не знает, что удивительно.

Дача эта, через дорогу от докторовой, лет двадцать, а то и больше, стоит пустая, старичок-хозяин умер, а внук раз или два показался, а потом исчез, и с тех пор его никто не видел. Уже и дорожки позарастали, и кусты окна закрыли, и яблони одичали, и лопухи во дворе и на огороде в человеческий рост – крыши не видно, одна черная труба торчит как больной зуб. Белок полно, а под крыльцом живет лисица, сам видел. Дом, наверное, давно развалился. Жилье пропадает без человека. С одной стороны, жаль, конечно, надо бы продать, а с другой стороны – неизвестно кто купит, начнутся пьянки-гулянки да воровство, как у соседей через три улицы. И главное, управы не найти! А что ты им сделаешь? Полиция отказывается, даже смешно, говорят, это же дачный кооператив, что тут еще делать, как не гулять, вот если бы убили кого в драке до смерти, тогда да. Мы и думать про старичка с его дачей забыли, а тут, оказывается, новые хозяева. Интересно, что за люди.

И что вы думаете? Узнали в тот же вечер! В разгар за-

столяя вдруг хлопнула калитка – и пожалте вам! Явление. Я глазам не поверил, а это кто такие, думаю, непрошеные, незваные? Впереди крупная женщина в ярком сарафане и с белыми пышными локонами; за ней тонкая сухая бесцветная непонятно кто, не то девушка, не то женщина, а последним шагает мужик с пузом в черном тренировочном костюме с белыми лампасами, в обеих руках сумки. Мы молча смотрели, как компания идет от калитки к столу, даже жевать перестали от удивления. Инесса гордо вскинула голову: а кто это к нам непрошенный пожаловал? Полковник во все глаза уставился на красавицу с локонами; Любаша улыбалась, она всегда рада гостям; Степан Ильич нахмурился, он человек государственный, с кем попало водиться не будет. Доктор с удовольствием наблюдал пришествие чужих, чуть улыбался – не иначе чувствовал себя зрителем в театре... как всегда. Моя Лариса смотрела неприветливо, и я подумал, что женщина с локонами для нее вроде классового врага, вроде Инессы, только еще хуже. Локоны, открытый сарафан... И главное, кто вас сюда звал, господа хорошие?

– Здравствуйте! А мы к вам по-соседски! – звонким детским голосом воскликнула женщина. – Слышим, гуляют, и решили познакомиться, а то никого здесь не знаем, все чужие. Иричка! – Она присела в шутовом реверансе. – Это Зина, моя сестричка, а это Дионисий, мой благоверный. Прошу любить и жаловать! – Она расхохоталась.

Благоверный Дионисий – здоровенный краснорожий лоб,

сразу видно, не дурак принять на грудь, с длинными седыми патлами и торчащими усами. Колорит, как говорит Доктор, заметная и бросающаяся в глаза фигура. А сестричка Зина... и сказать нечего. Бледная, тощенькая, никакая. Полковник вскочил, за ним Доктор, уступая место дамам.

Иричка! Надо же! Ирина, никак? А то как птичье чирикание.

– Прошу, прошу, – повторял Полковник. – Рады! Сейчас я вам табурет... Дионисий? Это Денис?

– Он самый. Денис. Да вы скажите где, я сам возьму, мы люди не гордые. Тут продукты. – Он протянул Полковнику сумки. – У вас, смотрю, всего полно. Голубцы! Ирка, смотри, голубцы! Она их в жизни не видела. О, котлеты!

– Дионисий, успокойся, что люди подумают! – щebetала, устраиваясь на стуле Полковника, Иричка. – Зин, садись рядом! – приказала. – Что пьем? Коньячок? Шампанское? «Мартини»?! Обожаю!

Бутылка, к сожалению, пустая...

Мы с Полковником принесли табуретки. Инесса сидела хмурая, моя Лариса смотрела исподлобья – ревнуют. Хлебом не корми, дай повод поревновать. Лариса насчет Инессы мне всю голову проела, а тут еще эта... новая соседка. Одна Любаша, добрая душа, кажется, обрадовалась, захлопотала, тарелки расставляет, рюмочки, вилки с ножами, улыбается, с любопытством рассматривает незваных гостей. Полковник достает из торб гостинцы: свертки с копченостями, бутылку

виски и шампанское, здоровенную коробку с тортом. Доктор пристраивает все это хозяйство на стол. Степан Ильич сидит как статуя, видно, что недоволен, не любит неожиданностей. Моя Лариса уже помогает Доктору, оттаяла, кажется. Инесса пытается приветливо улыбнуться, посматривает на Полковника, а тот пожирает глазами Иричку. Адвокат сверкает очками, на тонких губах улыбочка, молчит, неподвижный, как статуя. Хотел сказать, змеиная улыбочка, да одернул себя: негоже бабские рассказы повторять. Чистый театр!

Полковник говорит:

– Позвольте мне!

Берет принесенную бутылку шампанского. Дамы опасно отодвигаются. Иричка хлопает в ладоши. Бах! Пробка снова летит в ночное небо. Гусар! Полковник разливает, шампанское пенится и льется через край.

– За знакомство! – кричит Иричка.

Полковник стоя поднимает стакан. Пьем из стаканов, другой посуды нет. Мы с Доктором и Денис поднимаемся. Степан Ильич, подумав, тоже встает. Шампанское слишком сладкое. Но настроение переменялось, стало как-то проще и по-домашнему. Полковник разулыбался, стал представлять нас. Это, говорит, наш Доктор, Владимир Семенович, если что, в два счета поставит на ноги. Это Инесса Владимировна...

– Инесса, – сказала певица. – Какие наши годы.

– Инесса, актриса филармонии, прекрасный голос. Лю-

баша и Степан Ильич, Петр Андреевич, или Мастер, и его супруга Лариса. Адвокат, лучший в городе, между прочим. И я, ваш покорный слуга...

– Можно Полковник, – сказала Инесса.

– Настоящий? – рассмеялась Иричка.

– Самый что ни на есть! – Полковник щелкнул воображаемыми каблуками. – Прошу любить и жаловать.

Инесса пришла в себя, взбила гриву, заиграла глазами и говорит:

– А теперь о себе. Кто такие, откуда, надолго ли к нам. Мы внимательно слушаем. – И подперла щеку своей красивой полной рукой, приготовилась.

– Ирка бизнесвумен, – сказал Денис. – Она у нас деловая. Акула!

– В какой области?

– У меня салон красоты на Пятницкой...

– Ага, называется «Носорог».

Инесса рассмеялась:

– Правда?

– Нет, разумеется, – сказала Иричка. – Называется «Баффи».

– Что такое «Баффи»? – спросил Доктор.

– Вошебница, которая против вампиров, – сказала Любаша. – Есть такое кино.

– А вампиры, стало быть, клиентки? – пошутил Полковник, и все так и покатались, даже Степан Ильич хмыкнул.

– Я – Денис, можно без отчества, к чему это кокетство, – сказал гость. – Художник. Это моя свояченица Зиночка! – Он приобнял бесцветную женщину, прижал к себе. – Работник ателье. Моя подружка. – Он чмокнул женщину в темя. Та вспыхнула и отодвинулась.

– Убью обоих! Смотри, Дионисий! – сказала Иричка, и все снова рассмеялись. После шампанского она покраснелась и засверкала глазами. – Люблю шампанское! – воскликнула. – Мы с Дионисием познакомились из-за шампанского, представляете? Гуляли в ресторане день рождения подруги, одни девочки, а он за соседним столом открывал шампанское. И прямо в меня струю! Холодное, жуть! Я завизжала, вскочила, платье из шелка намокло, облепило, стало прозрачным, все пелятся! Ужас! А я как голая! Дионисий бросился ко мне, накрыл пиджаком, потащил из зала. Я отбиваюсь, кричу, девчонки мои его отпихивают, тут и его друзья вмешались, чуть до драки не дошло. Он отвез меня домой, я злюсь, выгоняю, он успокаивает...

– До утра успокаивал, – ухмыльнулся Денис.

– Не ври! – закричала Иричка. – Я тебя выгнала!

– Выгнала, выгнала! Успокойся! – Денис поднял руки.

Мне показалось, что он пришел выпивший, а теперь добавил и поплыл. Лицо еще сильнее покраснело, залоснилось, потные волосы растрепались, ухмыляется все время. Брюхо квашней торчит. Не понравился он мне, и досада какая-то: зачем они здесь? У нас собираются культурные лю-

ди, образованные, солидные, а эти... Ни к месту они тут. Так и ждешь, что сам материться начнет. И намеки всякие про то, как остался у нее... Нет, я, конечно, не кисейная барышня, всякого в жизни навидался, а только и приличия надо знать, вы тут, господа хорошие, в первый раз, со своим уставом, как говорится, не суйтесь. Сидите себе спокойно, слушайте, что люди говорят, вы тут в гостях. Не понравился он мне. И она тоже. Иричка! И себя не понимаю, с чего это я так взъелся? Подпивший мужик, все взрослые, ничего такого страшного не сказал... И тут меня вдруг осенило! Из-за Инессы! Вроде сочувствую ей. Сидит, глаза опустила, молчит и шампанское пить не стала, вон, полный стакан, пузыри пускает. Была королева бала, а теперь вроде как в тени. И главное, Полковник ничего не замечает! Так и вьется вокруг этой Ирички, так и мельтешит, обо всем на свете забыл: Иричка то, Иричка се! Шампанское подливает. А она раздухарилась, хохочет, локонами играет, накрывает его руку своей, наклоняется и шепчет ему что-то, а он багровый, вроде как смущается, но видно, что доволен. Сестра Зина сидит никакая, прямая, тонкая, сухая... чисто мумия. Денис ее тормозит как куклу, а она безответная, не реагирует. Вроде спит. И смотрит в стол, ни разу глаз не подняла. Странная компания, ей-богу.

– А вы купили дачу или сняли? – вдруг спрашивает Любаша.

– Люба! – негромко говорит Степан Ильич.

– Это дедова дача, – говорит Дионис. – Мы о ней и думать забыли, но в городской квартире ремонт затеяли, вот и пришлось. Я тут в последний раз еще в школе был, рыбу с дедом ловили. Сто лет назад. И после его смерти приезжал всего раз, кажется.

– Дом сырой, воняет сыростью, – сказала Иричка. – Темно, тесно... Терпеть не могу дачи! Не моя романтика. Продать к черту, пока не развалился, и делов!

– А чего же не продали? – спросил Доктор.

– Да я понятия про нее не имела! – воскликнула Иричка. – И у Дионисия начисто из головы выскочило. Он себя не помнит, а тут какая-то дрянная дача!

– Ирка, не начинай! – Денис уставился на жену тяжелым взглядом. – Не порть кайф!

– Это ты не порть! – фыркнула Иричка.

– Денис, пожалуйста, котлетки с картошечкой! – поспешно вмешалась Любаша. – Накладывайте!

– Сами делали или из полуфабрикатов? – спросил Денис.

– Ну что вы, какие полуфабрикаты! Сама!

– Пища богов! – Денис запихнул в рот котлету. – Повезло вашему мужу. И за какие только заслуги. Завидую вам, Степа, честное слово!

Он с улыбкой смотрел на Степана Ильича. Тот не ответил, даже не взглянул в его сторону. Степа, надо же! Никто из нас никогда не называл его Степой, а этот запросто, как к собутыльнику. А налоговый наш, видимо, растерялся, не поста-

вил нахала на место. Дальше больше. «Козел!» – негромко сказала Иричка. Я ушам не поверил! Смотрю, моя Лариса даже рот открыла: ну, дает! К счастью, Денис не услышал. Полковник еще больше побагровел. Доктор молчал, на губах вроде улыбочка, наблюдал. Знаток человек, как он себя назвал однажды. Пауза возникла какая-то нехорошая. Адвокат сидит, тоже с улыбочкой, но какой-то недоброй, огоньки дрожат в стеклах очков...

– А где Гриша? – спрашиваю у Ларисы.

– На кухне, ужинает.

– Почему на кухне? Надо было сюда.

– Он не захотел, стесняется.

Я только вздохнул. Есть в ней это, есть! Доктор называет подобное явление иностранным словом «снобизм». В смысле, не впишется работяга в наш дружный интеллигентный коллектив, рылом не вышел. Встал и пошел за Гришей. Она мне вслед:

– Петя, не надо!

Я только рукой махнул. Гриша мой ученик, хороший парень с несчастной судьбой. В свое время я с ним здорово повозился. Шел поперек и воспитателю, и даже директору. И недаром. Все у него теперь нормально. Встретил на днях, не узнал! Он сам подошел, говорит: «Петр Андреевич, помните меня? Мы вас часто вспоминаем. Спасибо вам! Если бы не вы... Может, надо чего по хозяйству, вы только скажите, я всегда помогу. Тем более я сейчас в отпуске».

Мастером на инструментальном заводе трудится, должность серьезная. Я и позвал его, говорю, если не шутишь, давай, помоги. Я давно крышу собирался подлатать, течет, подлая, как дождь, только ведра успеваем подставлять. Лариса уже всю голову проела. Вдвоем за пару-тройку дней управимся, говорю. Он и пришел сегодня с утра пораньше. Весь день загорали на крыше, и всякие разговоры за жизнь, вспомнили училище, парней, директора. Потом он пошел на речку искупнуться, а я к Доктору – он попросил посмотреть плиту, забарахлила, а потом соседи подтянулись, началось застолье, и я начисто забыл про Гришу. Стыдно. Прихожу на кухню, а он как раз ужинать сел. Говорю, вставай, пошли к людям. Он ни в какую, но я тоже твердо стоял, он и сдался. Привел я его, Лариса табуреточку подставляет, неловко ей. Это, говорю, мой бывший ученик, Григорий Еремин, прошу любить и жаловать. Мастер на все руки. А это наши друзья и соседи. И представил всех. Гриша покраснел, смутился.

Иричка вдруг возьми да ляпни:

– Гриша, подлатаешь нашу развалюху, а то смотреть тошно! Сколько берешь? Имей в виду, мы люди не богатые! – и захохотала.

Как-то грубовато получилось, без уважения. Вроде приказ отдала. Он посмотрел на нее внимательно так, кивнул молча. Любаша, добрая душа, уже накладывает ему на тарелку всякой снеди.

– А чего это мы сидим как девочки в этом самом, женском

монастыре? – вылез Денис. – Кто у нас виночерпий? С такой закуской грех простаивать!

– Гриша, а вы что пьете? – спросил Доктор. – Есть шампанское, есть коньяк.

– Я не пью, – отвечает Гриша.

– Не пьете? Похвально, молодой человек. Одобряю. А мы примем слегка, нас уже не исправить. Полковник, разливайте!

Полковник востепенел и взял бутылку. Мы выпили.

– Денис, где можно увидеть ваши картины? – спросила Инесса с улыбкой.

– Его картины? – расхохоталась Ирричка. – Ты чего, подружка! Какие картины?

– *Вы* сказали, что он художник... – говорит Инесса с таким нажимом на «вы», словно черту проводит между ними.

– Шутка. Чертежник в городской архитектуре. Дионисий, тебя еще не турнули?

– Денис хорошо рисует, – с укоризной сказала Зина, это были ее первые слова за все время.

– Спасибо, девочка! – Денис снова чмокнул Зину в макушку. – Ты одна в меня веришь. А кто работать будет, если турнут? Там же одни клерки, ни таланта, ни фантазии.

– А что вы построили? – спросила Инесса.

– Фонтаны! Люблю фонтаны.

– Музыкальный в центральном парке ваш?

– Мой.

– Красивый.

– А то. За что пьем?

– За любовь! – закричала Иричка. – Самое важное в жизни – любовь! И свобода.

– И дети, – сказала Лариса. – У вас есть дети?

Иричка расхохоталась:

– Дионисий, у тебя есть дети?

– Что мы можем знать о своих детях! – фыркнул Денис. – А у тебя?

– Сопли, пеленки, крики... Это не для меня, господа. У меня есть любимая работа, друзья, свобода. Хочется для себя пожить. Я за этот... как его? Чайлд-фри, во! – Она закинула руки за голову, взбила пышные локоны и рассмеялась.

– А что это? – спросила Любаша.

– Бездетность, – объяснил Доктор. – По-английски.

Наступила тягучая пауза. Я перехватил взгляд Полковника – он так смотрел на нее, словами не передать. А как же Инесса? Перевел взгляд на нее – кутается в цыганскую шаль, поводит плечами, ни на кого не смотрит. Вечер свежий, похолодало.

– А я тебя знаю! – Иричка с ухмылкой уставилась на Инессу. – Мы учились во второй школе, только ты постарше. Вокруг тебя так и вились взрослые мужики, а один из мэрии каждый день на машине, мы жутко завидовали. Плюгавый такой, помнишь?

– Не помню! – Инесса раздула ноздри и с нажимом так: –

Тебя тоже не помню!

Снова неловкая пауза. Да что ж это за вечер такой? Что ни скажет эта... Иричка, все мимо кассы! Уметь надо.

– Конечно, куда нам, – как ни в чем не бывало хмыкнула Иричка.

– Ирка, хватить бухать, – вмешался Денис. – Расскажи лучше, как я тебя с балкона скинул. Пусть люди знают.

– С балкона? – не поверила Любаша. – Как это? И ничего?

– Головка с тех пор не варит, а так ничего. И пить нельзя.

– Дурак!

– А вы, Денис, тоже учились во второй? – спросил Доктор.

– Нет, мы из одиннадцатой. Классная школа была, парни крутые, по десять приводов на каждого. Иногда пересекаемся по городу, смотришь, в люди вышли, при деньгах. Всех кентов помню, ничего не забыл. И ни-ко-го! – сказал с нажимом. – Пивка возьмешь выпьешь, за жизнь перекинешься... Годы!

Знаю я эту школу. У меня в классе много парней из одиннадцатой, заводской район, неблагополучные семьи. Прекрасно знаю.

– Так не хочется стареть! – вдруг воскликнула Инесса ни с того ни с сего, и я вздрогнул.

– Приходи ко мне в «Баффи», – сказала Иричка. – Мы из тебя красотку сделаем.

Ну, не паршивка, скажете? И подумалось мне, что ничего не забывается! Ничего. Ни детские обиды, ни резкие сло-

ва, ни жестокие шутки. Сидит внутри до поры до времени, а потом взрыв. Зацепила, видать, Инесса эту... Иричку, да так, что та никак забыть не может. Тут вдруг ловлю на себе взгляд Доктора, смотрит с интересом, прямо читает по лицу. Киваю ему, он с улыбкой кивает в ответ: женщины, мол, вечные соперницы, что с них взять. Тем более такие львицы.

Между тем наступила ночь, закатные зарницы погасли и высыпали звезды, и потянуло сыростью с реки. И вдруг громко заквакали лягушки! Мы даже рассмеялись от неожиданности. А они квакали, пели, рокотали, рычали, булькали, скрежетали, изнемогая и томясь в теплой темноте ночи.

– Любовь! – сказал Полковник. И мы снова рассмеялись.

– Любовь... Из-за меня покончил с собой один парень, – вдруг сказала Иричка.

– Ирка, не свисти! – сказал Денис. – Не морочь людям голову!

– Правда! Студент политеха. Проходу не давал, звал на свиданки, цветы, конфеты...

– Откуда у бедного студента бабки на цветы и конфеты?

– Подрабатывал где-то. Однажды заплакал... Честное слово! Стоял на коленях и плакал. Руки целовал. Кирилл звали. А мне никак. Ну, он и... – Иричка развела руками и рассмеялась. – До сих пор храню его письма, часто перечитываю.

– Тебе, мать, обязательно все изгадить. Скажи еще, с собой таскаешь, не расстаешься. Не обращайтесь внимания, господа, у нас после шампанского припадок мифотворчества.

– И таскаю! Ревнуешь?

– Тебя?! – Денис заржал. – Уймись, принцесса! Давайте, господа, лучше примем за приятное знакомство!

... – Неприятные люди, – сказала Лариса, когда мы уже улеглись. – Денис алкаш и нахал, нашего Степана Ильича чуть не на «ты», тот аж растерялся, бедный. И молчал весь вечер. Не дай бог, если повадятся. А Иричка эта... тоже мне цаца! Как она Инессу уделала! И та смолчала. Да я бы на ее месте так припечатала! Ну, семейка! И сестра Зина какая-то ни рыба ни мясо... Мямля, право слово. Все-таки повезло нам с соседями, все завидуют, а теперь прямо не знаю, как оно будет. Они друг дружку ненавидят, одни гадости на уме, я такого грубиянства за всю свою жизнь не слышала. А Полковник так и вьется! А Доктор молчит. Не понимаю!

– А что, по-твоему, надо было делать? – спрашиваю.

– Поставить их на место, дать понять, что у нас тут приличные люди... Не знаю! Как подумаю, что все, кончились наши посиделки, прямо до слез обидно.

– Еще не вечер, – заметил я, хотя думал примерно так же...

* * *

...Он долго не мог уснуть. То ли перебрал, то ли мысли всякие... Лежал, прислушивался к шорохам и скрипам. Лунны не было, за окном стояла темень. А может, все это было

во сне...

...Он шел по лесу, отводя руками ветки. Бесшумные шаги, мягкая тропинка, шелест веток; плеск ручья и далекий гомон людских голосов. Женщина в голубом платье... Он подошел на негнущихся ногах. Дальше провал. Он чувствовал под собой мягкое и податливое тело женщины, от нее пахло жасмином... Он впился ртом в ее рот... и вдруг понял, что женщина неживая, и не женщина вовсе, а большая кукла, неподвижная, мягкая и податливая... Она смотрела на него мертвыми голубыми глазами и улыбалась... Он закричал и вскочил! Он бежал по лесу, и ветки били его по лицу, и кто-то смеялся вслед громко и визгливо, а он все бежал, боясь оглянуться, ожидая прикосновения холодной жесткой руки к своей шее, плечу, руке...

...Он проснулся как от толчка. Лежал неподвижно, приходя в себя. Тяжело и хрипло дышал, его бил озноб, спина была мокрой от пота. Он прислушивался. Ему слышался звон колокола, и он не сразу понял, что звенит в ушах...

Глава 5

Досада

На другой день под вечер поначалу собрались все свои. Новых целый день не было ни видно ни слышно – похоже, уехали в город. Народ приободрился, расслабился, прямо как родные встретились после долгой разлуки. И о соседях ни слова, как будто и не было их вовсе. Как сговорились.

– Знаете, Доктор, я уже несколько ночей не сплю, все думаю про вашу Мару... – начала Инесса. – И задаю себе вопрос, хочу ли я, чтобы *они* на самом деле были, или считаю, что это сказка? Спрашиваю себя, как мне легче? Верить или не верить?

Интересно так спросила, вдумчиво.

– Верить или не верить – извечный вопрос, – сказал Доктор. – Способность верить вроде способности любить, кому-то дано, кому-то нет. Правда, природа веры другая...

– Как это? – спросила моя Лариса. – Какая же?

– Любовь от любви, а вера от одиночества и страха. Нам легче, когда есть кто-то, к кому можно обратиться, пожаловаться и попросить. К вере приходят с определенным жизненным грузом, после потерь и разочарований. Так мне кажется. А пока молод, радуйся и люби.

– Спасибо, Доктор. Значит, верить?

– Значит, верить. Мы чего от них ждем, по-вашему? От Мары, от домовых... Должно быть, тепла и защиты. Значит, нам так легче.

– А вы верите? – спросила Любаша.

– Люба! – призвал супругу к сдержанности Степан Ильич. Доктор задумался; пожал плечами. Пауза затягивалась. Похоже, он не собирался отвечать. Может, не знал, что сказать.

– Ясно, Доктор, – сказала Инесса. – Спасение утопающих дело рук самих утопающих. А я вот верю. Мы, женщины, такие вещи чувствуем, мы к ним ближе. Например, у меня на даче живёт домовой. Честное слово! Я ему молока наливаю.

Смотрю, Доктор глянул на нее и ухмыльнулся.

– Посему, – ведет дальше, – предлагаю и в дальнейшем делиться жизненным опытом и считаю заседание разговорного клуба открытым. Доктор отчитался, теперь... – Она замолчала, с улыбкой глядя на нас. – Добровольцы есть? Но сначала давайте придумаем название. И главное, чтобы про мистику. Ну-с, кто что предлагает?

– Клуб «Мистика», – сказал Полковник.

– Хорошо, – похвалила Инесса, – но как-то слишком в лоб. По-военному. Надо, чтобы загадка. Еще?

– «Черная вуаль», – сказал Степан Ильич и вроде смутился.

Я даже не ожидал от него такой романтики!

– Очень образно! Еще?

– «Русалка»! – сказала Лариса.

– «Белая магия»!

– Доктор! – призвала Инесса.

– «Кикимора»! – сказал Доктор, и все расхохотались.

– А что, лично мне нравится, – сказала Инесса. – С юмором. Кто «за»? Единогласно. Считаю заседание мистического клуба «Кикимора» открытым. Добровольцы, вперед!

Добровольцев не было. Степан Ильич солидно кашлянул и надел очки.

Полковник побагровел, отчего его врожденная белесость проявилась еще ярче и прямо бросилась в глаза, и пробормотал, что ничего такого мистического в его жизни не происходило. Походная жизнь, простая и понятная.

Пламя свечей дергалось и трепетало, хотя вечер был безветренный. И вдруг мне показалось, что я нахожусь среди незнакомых людей: на их лицах пляшут тени, они то угрюмы, то злы, и вообще это не люди, а неизвестно кто. Меня даже оторопь взяла от такого превращения, но, к счастью, наваждение вдруг закончилось, и передо мной снова были знакомые лица. Но где-то в глубине сознания мелькнула дурная мысль, что лица – это маски, скрывающие нутро, а при свечах маски упали, и нутро вдруг вылезло наружу и оскалилось. Переутомление, видать, или даже солнечный удар...

– Не верю! – сказала Инесса. – Чтобы за всю жизнь ничего, о чем стоит вспомнить? Не бывает так! Даже у полковников.

– А женщинам можно? – спросила Любаша.

– Даже нужно, – сказала Инесса. – Но пусть сначала Полковник, нутром чувствую, у него есть что рассказать. Так что, господин полковник, ждем. Подготовиться Мастеру.

– Он не будет, – вылезла моя Лариса.

– Буду, – возразил я. Не люблю, когда командуют. – После Полковника.

Я прекрасно ее понял: куда уж мне со своими убогими историями наравне с Доктором и Полковником. Инесса взглянула на меня и сразу отвела взгляд – тоже поняла. И сразу пауза повисла, как паутинка. Тут она рубит рукой воздух и так и режет, уставясь грозно на Полковника:

– Собраться и вперед!

– Есть собраться! – отвечает Полковник браво, улыбается, приятно ему, что Инесса с ним шутит. – А только что же вспоминать? Жизнь солдатская, дан приказ, приказы не обсуждаются и...

– Неужели ничего, совсем ни капельки?

– Ну, разве что... – Он колеблется, на лице сомнение, стоит ли.

– Ну? – подбадривает Инесса. – Давайте, Полковник!

Но Полковник не успел и рта раскрыть, как хлопнула калитка и бодрый голос нового соседа прокричал:

– Всем привет! А мы к вам!

Мы переглянулись и поняли друг дружку без слов: вечер, похоже, пропал. Но не прогонять же гостей!

Глава 6

Неожиданная встреча

Доктор Владимир Семенович закупил продуктов на неделю и уже стоял с тележкой у кассы, от нечего делать пробегая взглядом список продуктов. И тут его тронули за рукав. Он оглянулся и увидел своего доброго знакомого, Олега Христофоровича Монахова, тоже с тележкой, полной продуктов.

– Господин Монахов! – вскричал Доктор. – Олег! Сколько лет, сколько зим! Часто вспоминаем вас с Эллочкой, она ваша преданная поклонница. Да и я, признаться, ваш покорный слуга.

– Владимир Семенович, дорогой! – пробасил Монах, обнимая Доктора. – И я вспоминаю! И вас, и дражайшую Эллу Николаевну! Как она? Как вы?

Был это громадный и толстый бородатый мужчина средних лет с пучком рыжих волос на макушке, наряженный в голубую джинсовую рубашу навыпуск и широченные белые штаны, которые иногда называют боцманскими; на ногах его красовались черные матерчатые тапочки с вышитым драконом. Добавьте сюда громогласность, легкую неповоротливость из-за прихрамывающей ноги и габариты, выдающие немедленную готовность сшибить с ног покупателей, стеллажи с товаром, а также кассовый аппарат с сидящей за ним

хрупкой барышней, и Олег Христофорович Монахов, философ, путешественник и доктор физико-математических наук перед вами собственной персоной. Монах для своих. Правда, не доктор, а кандидат, но все равно очень способный, даже выдающийся человек и специалист.

Тут, наверное, было бы уместно поближе познакомить читателя с этим непростым человеком, с его биографией, взглядами на жизнь, а также объяснить, почему среди друзей и знакомых его называют решателем проблем. Да, да, так и называют: решатель проблем! С жизненным кредо: «Не бывает тупиковых ситуаций!» Мол, приходите, люди добрые, и я все решу. Короче, щенячий патруль в действии, как называет Монаха его крестник, маленький Олежка, сын его друзей Анжелики и Жорика Шумейко.

Ну, ладно, решатель, а с чего это вдруг он решает и о каких вообще проблемах речь, возможно, спросит читатель. Скучно ему, с того и решает. Мыслительные шестеренки требуют постоянной подпитки, так что хороши любые проблемы. Чем сложнее, тем лучше. У него даже собственный сайт есть, где все изложено честь честью. Желающие могут ознакомиться. В результате ему удалось распутать несколько загадочных детективных историй, поставивших в тупик нашу доблестную полицию. А все почему? В смысле, почему у него получилось лучше, чем у полиции? Да потому, что Монах видит реальность слегка перевернутой и под невыслышимым углом, идеи у него сплошной сюр, а кроме то-

го, в погоне за истиной, он ни перед чем не останавливается: влезть в чужую квартиру, стянуть редкую книжку, неосторожно оставленную без присмотра, порыться в шкафах без ведома хозяев, сунуть нос в чужое письмо, а также совершить многое другое, столь же противоправное, ему раз плюнуть. Нехорошо, конечно, но исключительно для пользы дела. Он любопытен и непосредственен как подросток, необидчив, доброжелателен и легок на подъем. Правда, несколько циник и считает себя как бы над моралью – это помогает ему ничему не удивляться. *Хомо сум*, одним словом.

Много лет подряд каждую весну Монах отправлялся в поход, взвалив на спину неподъемный рюкзак. В Непал, в Индию, в Тибет, по дацанам и монастырям, по бедным памирским гостиничкам-лоджиям, а то и просто по лесам-полям, как та стрекоза, которой под каждым кустом и стол и дом. И вот сидит он, бывало, на берегу быстрой речки или ручья... Костерок горит, на черном небе сияют яркие звезды, верхушки кедров пошумливают, и до ближайшего жилья еще топать и топать. В котелке хлюпает похлебка – от запаха слюнки текут; тихо, благостно, ни ящичка, ни мобильника, лишь одни мысли о высоком.

Увы, увы, все осталось в прошлом. Около года назад с ним случилось несчастье – он попал под машину, прямо на пешеходном переходе... Раздают же козлам права! И с тех пор прихрамывает. Не всегда, а только когда устанет или для позы: давно подмечено за ним это такое желание поинтерес-

ничать, а кто без греха? Но если честно, нога побаливает и не хочет ходить на далекие расстояния. Его друг и соратник, журналист Леша Добродеев, золотое, с позволения сказать, перо, подвизающееся в «Вечерней лошади» – это не сарказм, а чистая правда! – местном бульварном листке, подарил ему красивую трость с серебряным набалдашником, и Монах картинно опирается на нее, что добавляет ему божественного колорита, а также благородства. Все ничего, но из-за проклятой ноги прекратились походы с рюкзаком, которых Монаху до такой степени не хватает, что временами он впадает в депрессию, что совершенно ему не свойственно.

Он искренне обрадовался встрече с Доктором, так как, по его словам, впал в одичание, особенно после того, как его друг и соратник Леша Добродеев убыл на конференцию журналистов в Берн – делиться опытом, а неугомонное семейство Шумейко отправилось на отдых в Турцию. Электронная почта пуста, в помощи никто не нуждается, у всех все прекрасно; Интернет надоел, политика предсказуема и тоже надоела. И что прикажете делать бедному одинокому никому не нужному индивидууму без определенных занятий? Занятие, правда, имеется – фабричка «Зеленый лист», худо-бедно пыхтящая, их с Жориком детище, но сидеть с бумагами и цифрами, даже если ты доктор физмат наук... Увольте! Вот и остается закупить всяких вкусных вещей и ни в чем себе не отказывать. И черт с ним, с весом. А тут вдруг Доктор! Как подарок небес.

Сначала они выпили кофе в маленьком уличном кафе у площади, потом заказали по бокалу белого вина, потом Монах позволил себе несравненные блинчики «Сюзетта» с апельсиновым вареньем и шариком мороженого. Доктор отказался, сказал, что плотно позавтракал, и заказал еще вина. Потом еще и еще.

Они хорошо провели время. Повспоминали общих друзей; Монах жаловался на одиночество, Владимир Семенович утешал. В конце концов пригласил его к себе на дачу, где свежий воздух, овощи с грядки и замечательная компания. Душ, правда, на улице, вода не горячая, а едва теплая, нагретая солнцем, еще комары, а ночью квакают лягушки – без привычки не уснуть. Не квакают, а орут как ненормальные, если честно. Тут уж ничего не поделаешь, любовь и дикая природа. А мы у нее в гостях.

– Но, поверьте, Олег, это такие мелочи! – восклицал Доктор. – Я привык и не мыслю себе жизни без зелени, безмятежности и сельской тишины! Поверите, даже лягушки воспринимаются как часть этой тишины. В городе бываю лишь наездами – заплатить за квартиру да купить продукты. Компания подобралась славная, разговоры до третьих петухов. Все мы очень разные, но, что поразительно, общий язык находим. Милые женщины. Новые соседи недавно появились. Потрясающе интересно наблюдать проникновение чуждых элементов, так сказать... Назовем их условно «вбросами», в хорошем смысле, разумеется. Проникновение и диффузию

этих самых вбросов в устоявшийся и притертый «старый» коллектив с общими взглядами, симпатиями и антипатиями. Даже их словечки, даже отношения друг с другом – все чуждо, все диссонанс, все царапает!

– И сколько же их насчитывается, вбросов? – заинтересовался Монах.

– Трое. Глава семейства, его супруга и ее сестра. Потрясающе одиозные особи. Хотите посмотреть?

– Хочу!

– Тогда милости прошу ко мне в гости. Вам, как психологу и путешественнику, будет интересно. И в шахматы можно будет сыграть. Или в картишки.

На том и порешили. Забежали на минутку домой к Монаху за пижамой, зубной щеткой и парой футболок, вызвали такси и взяли курс на дачный поселок.

Глава 7

Семейство

– Ну и как вам соседи? – Денис посторонился, пропуская жену и свояченицу. Они возвращались к себе после посиделок с соседями. – Хиловатая компашка, как по мне. Мужики, в смысле. А девчонки ничего, справные. Инесса – вообще королева. А эта... Любаша! Простенькая, но славная.

– Инесса королева? – фыркнула Иричка. – Толстая старая корова! Корчит из себя...

– Не скажи, мать. Красотка, каких мало. Порода чувствуется. Ты ее руки видела? Пальцы тонкие, длинные, ногти свои. Классика, а не наклеенный ширпотреб. И в твой шалман она не пойдет, даже не надейся. И голос, должно быть, приличный, надо будет спросить контрамарочку.

– Заткнись! – закричала Иричка. – Много ты понимаешь! Она же шлюха! Ее весь город знает! Мужики еще у школы дежурили...

– Кому много дано, с того много спрашивается. – Денис получал удовольствие, дразня жену. – Шлюха! Люблю шлюх, с ними возни меньше, все умеют, все знают.

– Ага, тебе лишь бы возни меньше! – ядовито сказала Иричка. – Алкаш! Совсем мозги пропил?

– Пил, пью и пить буду! – благодушно парировал Денис. –

Не дождетесь. Не на твои. – Он стянул с себя футболку и джинсы, бросил на диван; остался в красных трусах.

– А на чьи, интересно? Ты, пузатая *ню!* Отрастил трудовой мозоль! Смотреть противно.

– Я такой! – Денис самодовольно похлопал себя по животу. – Не смотри. А давай посчитаем, мать. Неси калькулятор. Сколько твои шмотки, сколько моя водяра. Зин, будешь арбитром.

– Денис, перестань, – отозвалась Зина. – Ира, ты тоже. Кто будет чай?

– Ах ты, моя ласточка! – обрадовался Денис. – Я буду! Ей не дадим. Продолжайте, мадам, ваши инсинуации.

– И крутит сразу с двумя! С полковником и доктором! Дрянь!

– Завидки берут? Отбей! Или не потянешь? Смотри только, чтобы без жертв, а то знаю я тебя. Без висельников.

– Я? Не потяну? – Иричка захохотала. – Она же старая!

– Конечно, на год старше. Куда какая старая. Старуха Изергиль.

– На четыре!

– Такие женщины, как Инесса, не стареют, к твоему сведению. Шикарный типаж. Зин, как она тебе? – крикнул Денис.

– Кто? – ответила из кухни Зина. – Идите сюда!

– Идем!

Перепалка продолжилась на кухне. Денис оставался доб-

родушен и забавлялся от души. Он напоминал Бахуса, правда, если тот носил красные трусы. А так – вылитый! Толстый, пузатый, краснорожий, с длинными седыми патлами. Иричка же, будучи женщиной горячей и вздорной, выходила из себя и заворачивала такие словечки, что уши вяли. Зина неторопливо разливала чай и увещевала обоих. Сцены, подобные этой, были до тошноты привычны и предсказуемы. Семейство собачилось, как выразался Денис, по любому поводу, не стесняясь окружающих и тем более Зины.

– Не, Ирка, ты лучше расскажи про того придурка, который повесился из-за тебя, – подначивал Денис. – Что-то новенькое в биографии. Зин, было?

Зина пожала плечами и усмехнулась. Промолчала.

– Понятно, – сказал Денис. – Так я и думал. Брехня. Свести у тебя нет, мать. Такими вещами не шутят.

– Не называй меня «мать»! Ненавижу!

– Извини. Не мать, конечно. С чего это я вдруг? Вот были бы детишки, тогда «мать». Ирка, а давай родим кого-нибудь? Или грешки молодости не пускают? А говоришь, Инесса – то, Инесса – се.

– Заткнись, дурак! У меня все в порядке! На себя посмотри!

– Так повесился или нет? Как, ты сказала, его звали? Кирилл?

– Пошел вон! – Иричка швырнула в Дениса вилкой. Промахнулась, и вилка со стуком ударилась в стол.

– Фи, как грубо. Совсем уже? Инесса на твоём месте никогда бы вилкой в морду! Потому как аристократка. Зин, как она тебе?

– Мне понравился Доктор, – сказала Зина. – Умный, спокойный...

– А Полковник? Шикарный мужик, похож на вареного рака. Настоящий ариец. Между прочим, на тебя, мать, косяки кидал.

– Ничего, – признала Иричка. – Справный. А этот мальчишка-рабочий прямо волчонок, видели, как зыркал на меня?

– Любовь с первого взгляда, не иначе. Ты, мать, опасная женщина. Не дай бог, повесится. Кто там еще? Мастер! Трудяга, пролетарий. Надежный, как дубовый пень. Супруга – ни то ни се, но с претензиями.

– Любаша очень приятная, – сказала Зина.

– Ага. Такая и накормит и обогреет. А какие котлеты! Свезло мужику. Отбить, что ли? Зин, отбить Любашу?

Он постоянно апеллировал к свояченице, что еще больше заводило Иричку. Сестра в ее понимании была неудачницей: ни семьи, ни даже мужика какого завалящего. И некрасивая, и двух слов не свяжет, и живости как в покойнике. Старая дева, короче.

– Да кому ты нужен? – закричала Иричка.

– Тогда отбей Степана! Давай пари, что устоит! На штуку, согласна?

Зина молча пила чай, иногда коротко взглядывала на супругов. На ее лице блуждала неясная ухмылка, в которой было поровну презрения и высокомерия.

– Ненавижу эту конуру, – сказала Иричка. – Вонь, теснота... Паутина везде. И грязь!

– Это ненадолго, – сказала Зина. – Пара недель всего.

– Возьми тряпку и вспомни, что ты женщина. Не мать, но женщина.

– Разбежался! Я бы ее давно спихнула, только понятия не имела...

– Ага, спихнула она! – перебил Денис. – Пихай свое! Это наследство от деда, семейная реликвия. Не дам!

– Я уже нашла покупателя. Моя клиентка. Послезавтра придут смотреть.

– Да кому она нужна? Сама говоришь, вонь и грязь.

– Конура не нужна, а вот земля очень даже. Место классное. Лес, река, пляжи. Недалеко от города. Они ее снесут и отгрохают палаццо. Готовы дать, сколько скажем. Крутые ребята.

– Я сказал, нет! – отрезал Денис.

– А долги твои гребаные кто платить будет? – выкрикнула Иричка. – Дядя? Я – пас.

– Как тянуть с меня на салон, так пожалте вам, а как долги, так дулю с маком? Верни, что взяла, будем в расчете. И вообще, когда разбежимся, я перееду сюда. Мне дача и тачка, тебе квартира.

– Квартира и так моя. А разбежимся, будешь жить в тачке. Я уже боюсь из дома выходить, так и жду, что потянут за долги. И главное, хоть бы играл с приличными людьми! Так нет же, так и тянет в дерьмо!

– Сколько ты им сказала?

– Прилично, можешь мне поверить.

– Мне две трети!

– С какой это радости?

– Тогда я против!

– Да пошел ты... подальше! Бизнесмен хренов! Условия он ставит!

– Без моей подписи хрен продашь.

Жена иронически хмыкнула.

– Денис, Ира, хватит! – Зина прихлопнула ладонью по столу. – Завтра обсудите. На свежую голову. Дело серьезное.

– А ты что думаешь? – спросил Денис, уставясь на Зину.

– Дача тебе не нужна, ты не вспоминал о ней двадцать лет. От ненужных вещей надо избавляться. Тем более долг. Смотри, доиграешься.

– Во-во! Пока дают цену! – подхватила Иричка. – Съел? Даже Зинка понимает.

...Иричка давно уже спала, похрапывая. Денис отбросил простыню, поднялся и пошлепал из спальни как был, босиком. Вышел на крыльцо. Светила полная луна, в природе было тихо и свежо. Пахло близкой рекой. Лягушки молчали,

видимо, тоже спали. Постояв на крыльце минут десять и продрогнув, Денис вернулся в дом. Прошел мимо супружеской спальни в конец коридора, осторожно нажал на дверную ручку. Это была комната Зины. Он добрался до кровати, сел на край.

– Ты с ума сошел! – вскрикнула Зина шепотом. – Уходи!

– Не бойся! Она давно спит. Подвинься. Замерз как цуцик.

Денис улегся, затрещав пружинами; потянул на себя простыню.

– Я соскучился! – заявил.

– Она услышит! Тише!

– Не услышит. Глупышка, все тип-топ. – Он рассмеялся, притягивая ее к себе. – Иди ко мне... Моя маленькая бедная Золушка!

– Ты правда думаешь разводиться?

– Думаю. У нее кто-то есть. Пойдешь за меня?

– Ты же сам знаешь, что...

Он закрыл ей рот поцелуем. И только потом сказал:

– Знаю!

Глава 8

Вечер, переходящий в ночь

Мы все-таки ее закончили, эту крышу! Даже не верится. Я хотел заплатить Грише, но он отказался. Тогда я попросил Ларису купить игрушек для его пацана и что-нибудь для жены. Каких-нибудь французских духов попримечнее, и не надо экономить. Знаю я ее, скуповата. Были когда-то духи, как сейчас помню, «Клима» назывались, очень мне нравились. Нежные, сладкие... Тоже французские. Я их Ларисе подарил, продавщица посоветовала. Мы тогда встречались, молодые, все впереди. Эх, куда все делось?

Вручил я ему сумки с одежками и игрушками и отдельно духи для супруги, в маленькой лакированной торбочке. Он смутился, стал отнекиваться, но я ему строго: «Имей в виду, Григорий, у меня тут работы воз и маленькая тележка, это задел на будущее, так сказать, а то, смотри, больше не позвоу! Да и соседи вон интересуются, тоже подсобить надо. Видал нашу новую соседку, Ирину? Деньги всегда нужны». Он только глянул на меня, покраснел весь, голову опустил, промолчал. А сейчас, говорю, пошли на речку, смоем трудовой пот и перекусим, чем бог послал. И ждем вас с женой и дитенком в воскресенье в гости, пусть подышат свежим воздухом и позагорают. Мальчику Гриши три года, зовут Славик.

Вспоминаю своих пацанов в три года, и такое охватывает желание взять на руки, порадовать игрушкой, потормозить... А сыновьям не до внуков, заняты, видите ли. Пусть их, говорит Лариса, успеется. Пусть гуляют пока.

Приходим на речку, а там Полковник гимнастикой занимается. Выпады всякие, наклоны, прыжки. Розовый, как пупс, в веснушках на плечах и спине. Высокий, статный, красивый мужчина в красивых купальных шортах, синих с белым. Я даже живот втянул и в который раз дал себе слово начать зарядку по утрам. Хотя разве с ним сравнишься? Не понимаю я Инессу...

А вечером снова посиделки, соскучились, три дня не виделись. И мысль: хорошо, что без этих, новых. Не вписываются они в нашу компанию, как ни крути. Денис – пьяница, лакает спиртное, как конь воду, Иричка тоже не отстаёт, даром что женщина, и словечки всякие – биндюжник покраснеет, и ляпает непутное. И между собой... Не принято у нас так, мы люди культурные. Я своим ребятам за всю жизнь слова грубого не сказал! Не говоря уже про Ларису.

Начали подтягиваться к Полковнику, не сговариваясь. Мы с Ларисой, Гришу чуть не силком затащил – хоть на полчасика, говорю, посидишь с нами, перекусишь; Адвокат, Степан Ильич и Любаша, Инесса, Доктор... Причем не один. Привел гостя. Закон парных случаев. То ни одного, а то чуть не каждый день повадились. Вот, говорит, мой старинный душевный друг, Олег Христофорович Монахов. Прошу лю-

бить да жаловать. Философ, путешественник и доктор физико-математических наук. Во как! Целый доктор – это вам не кот начихал! А гость кланяется – здоровенный, толстый, с рыжей бородищей и пучком волос на затылке. Прямо... не знаю! Викинг! Честному собранию, говорит. Наслышан, как же! И голос рокочет, как из бочки. Очень необыкновенный человек. Даже не подозревал, что у нашего Доктора такие знакомства. Смотрим на него во все глаза, а он стоит, улыбается. И Доктор, видя впечатление, тоже улыбается, в смысле: смотрите, любуйтесь, *такое чудо* вам еще не попадалось. Точно, не попадалось. Хорош, нечего сказать! Бородища, длинные волосы в узел собраны, сам громадный, как слон.

– Очень приятно! – говорит Инесса. – Люблю путешествовать! Где вы уже были? Европа? Америка?

– Азия! – бұхает гость. – Непал, Индия, Тибет.

– Олег время от времени живет в буддистских монастырях, – сказал Доктор.

– Вы монах? – спрашивает Инесса, улыбаясь, вроде с намеком.

– Нет, я гость. Там может остановиться любой, главное – соблюдать правила. Не мешать, не лезть, не пить водку, не шуметь. Можно поработать в поле. Или дров наколоть. Не обязательно в монастыре, можно в палатке неподалеку. А то и в лесу в горах.

– В лесу? А не страшно? Вдруг разбойники?

– Нет. Людей там практически нет, тишина первозданная. Костерок, супчик варится, рядом ручей или речка журчит. – Он помолчал – ожидал, должно быть, чтобы мы настроились. – И такое просветление на тебя снисходит – вдруг понимаешь: так было и сто лет назад, и тысячу, и пять тысяч – ничего не поменялось, а ты песчинка в глазу мироздания. Угораздило тебя появиться в этом замечательном мире – живи и радуйся! И главное, ни тэвэ, ни Интернета, ни связи. Попадаешь в естественную среду, так сказать. И что самое интересное, господа: чувствуешь себя частью этой самой среды! Деревом, глухарем, ручьем или рыбой, понимаете? Слияние полное.

– Песчинкой в глазу мироздания, – повторила Инесса. – Ручьем и рыбой! Лихо!

– А если что-нибудь случится? Болезнь или травма, а вокруг никого? – спрашивает Полковник.

Гость развел руками.

– Как Бог даст. Никто не живет дважды.

Тут хлопнула калитка – смотрим, Денис! Мы переглянулись, понимая друг друга без слов: принесла же нелегкая! Три дня не было, мы и думать о соседях забыли, а они тут как тут. То есть пока один Денис. С торбой – слышно, как звякают бутылки.

– Наше вам! – кричит. – Прекрасным дамам! Полковник! Доктор! Степан! О, у нас гости? – и тянет руку Олегу Монохову. – Рад, рад, нашего полку прибыло! Денис! – роняет

голову на грудь. – Прошу, как говорится, к нашему шалашу.

Заметно, что уже успел отметиться – морда красная, рас-трепанный, кричит. Точно пьяница.

– Олег, – басит доктор физико-математических, пожимая протянутую руку, присматриваясь к Денису. – Очень приятно.

– А где супруга? – спрашивает Полковник. – Почему в одиночестве?

– Ирка? Собирается к приятельнице, марафет наводит. А Зина придет попозже, помогает. Да мне без них кайф, честное слово. А вы кто? – обращается к Олегу Монахову. – Артист? Где-то я вас видел!

Тот пожимает плечами.

– Я на все руки. Могу дрова наколоть, не надо? И артист.

– Ну ты, парень, хват! – ржет Денис. – А давайте примем за знакомство! Полковник, у тебя рука точная, разливай!

Мы переглянулись: ну прямо душа компании! Первый парень на деревне. И главное, на «ты»!

Полковник разлил, а куда деваться? Гриша пить отказался. Сидит, глаз не поднимает, мне даже жалко его стало, и досада на себя: зачем тащил? Плохо ему с нами, не надо было. Инесса переводит взгляд с меня на него и вдруг говорит:

– Гриша, Мастер вас очень хвалит, может, и ко мне навещаетесь? Крыльцо уже совсем развалилось, как? – и улыбается.

Гриша вспыхнул, отвечает:

– Можно. – Голос хриплый от волнения.

– Договорились! – говорит Инесса. – Скажете Мастеру, когда сможете, а он мне. Буду ждать.

– Пойло стынет! – вмешался Денис. – За нас!

Выпили мы. И пошло-поехало. Разговоры, шутки, смех. Вроде и Денис уже не такой страшный, как сначала. Люди все разные, этот – шепутной и нахальный, но вроде широкая натура и подлости в нем не чувствуется.

Потом пошли анекдоты, всякие смешные истории. Гриша извинился и ушел. Любаша хохочет на шутки Доктора, Степан Ильич серьезный, на жену поглядывает, видно, что любит ее и гордится. И Денис на нее поглядывает: зыркнет и сразу на Степана Ильича взгляд переводит. А она так просто красавица: глаза серые, румяная, смеется, ямочками играет. И ни грамма косметики, вся как есть натуральная. Инесса тоже красавица, но по-другому, как бы это сказать... вроде как художник ее нарисовал, в шикарных нарядах, шляпа соломенная с цветами, глазищи сверкают, кожа как снег, пальцы длинные, с красными ногтями, и вся какая-то не наша, видно, что не из простых. Но женщина хорошая, хоть и с подковыркой, и язык острый, как полоснет – мало не покажется. Больше всего достается Доктору, хотя и Полковнику перепадает. Но Доктор вроде как-то ближе ей по мозгам, иногда как сцепятся, не пойми о чем, ерунда какая-то, причем Доктор спокоен, как камень, а Инесса так и полыхает, а то и вообще возьмет да уйдет, хлопнув калиткой. Доктор

называет это «*ультима ратю*», что значит «последний довод» на латыни, как он объяснил, на него эти штучки не действуют, он хирург, привык резать. Полковник хоть и бравый, а пожиже будет в этом смысле. Нравится она ему, все говорят, жалко, что не получилось у них, хотя, с другой стороны, еще не вечер. Но если что, Инесса его подомнет, он и не пикнет. Сильная женщина! Ни грома, ни тучи не боится, в хорошем смысле, конечно. Я иногда думаю, что... И обрываю себя, не даю воли.

А тут вдруг Инесса вспомнила про клуб «Кикимора». Говорит, а чья это очередь свой рассказ представить?

– Клуб «Кикимора»? – спрашивает Олег Монахов. – Это про что?

– Про мистику, – объясняет Лариса. – Доктор уже отчитался, теперь очередь других.

– Давайте я! – вдруг говорит Любаша и вспыхивает, как маков цвет.

– Люба, – говорит Степан Ильич на всякий случай.

– А про любовь можно? – спрашивает Любаша. – Я про мистику не знаю.

Она выпила, покраснелась – глаза голубые, волосы русые, румянец во всю щеку... Хороша!

– Люба! – повторил Степан Ильич.

– Можно! – закричала Инесса. – В любви и мистике много общего, правда, Олег? Вы, как философ, согласны?

– Согласен. Ни то ни другое не поддается рациональному

объяснению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.